

СМЕНА

13

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов

Дорогие друзья!

Вот вы и окончили среднюю школу. Сданы последние экзамены, получены аттестаты зрелости, любимые учителя сказали вам последнее напутственное слово. С радостным волнением выходите вы на широкие, прямые и светлые пути нашей Родины. Вы хозяева своей судьбы! Любая дорога, любая профессия откроет перед вами свою тайну, любой труд почтен в нашей стране. Нужно только настойчиво и упорно учиться, овладевать сокровищницей человеческих знаний — ведь вам предстоит счастье трудиться в солнечном здании коммунизма. Быть достойными своего великого времени — вот задача, стоящая перед вами.

Студенческие годы — хорошее время! Стремление каждый день узнавать что-нибудь новое, постигать науку, обогащаться духовно — разве это не прекрасно, не замечательно! Нужно только твердо знать, действительно ли избранная вами область знания соответствует вашим вкусам, способностям и наклонностям. Выбор вуза, выбор профессии — серьезное дело, ведь это на всю жизнь! Надо беззаветно любить свое будущее дело, тогда и учеба и труд будут радостными и плодотворными.

Многие из вас хотят посвятить себя научной работе, стать учеными. Наука занимает первостепенное место в нашей стране. Перед молодыми учеными открыто широкое поле деятельности: изучать и решать проблемы использования в мирных целях атомной энергии, передачи энергии на дальние расстояния, создавать новые химические продукты, полезные народному хозяйству, разведывать недра земли, освобождать человечество от тяжёлых заболеваний, преобразовывать природу. Да мало ли чрезвычайно важных и интересных задач стоит перед нашей наукой! Чем больше молодёжи займётся научной работой, тем лучше для нашей страны.

Но помните: научная деятельность требует напряжённого творческого труда. Подготавливая себя к ней, следует всемерно развивать пытливость, наблюдательность, активное отношение к делу.

Творческая фантазия, мечта, опирающаяся на огромные возможности нашей науки, — это неперемённые черты советского учёного. Нужно уметь скромно, настойчиво и терпеливо, методически вести исследования и наблюдения. Без этого нельзя сделать нужных выводов, необходимых науке.

Будьте передовиками, новаторами в каждой избранной вами области знаний. Двигайте нашу науку и технику вперёд!

Желаю вам, дорогие друзья, самых замечательных успехов!

А. Несмеянов

В ПУТЬ-ДОРОГУ!

Группа студентов Московского геолого-разведочного института имени Серго Орджоникидзе выезжает на практику на стройки коммунизма.

Фото Г. Боркова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 13. 1951 год.

Год
издания
28-й

Я Буду
учительницей

Ленинград
1911 г. 21
Одесса
1911 г. 16

Здравствуй, дорогая Майя!

Получила твоё письмо. Не сердись, что долго не отвечала; сама понимаешь: шла экзамены, и времени свободного было мало.

Поздравь меня! Теперь я уже не ученица Московской 169-й женской школы, а почти студентка...

Майя! В последнее письмо ты спрашивала, в какой институт я решила поступить после окончания школы. Я много раз задумывалась над этим. Но вот совсем недавно я решила твердо: я буду педагогом, учительницей.

Вот как я пришла к такому решению. Однажды после уроков мы задержались в классе, и я нас зашёл спор, какая профессия лучше.

— Я люблю математику, — сказала я подругам. — Но мне нравится и профессия педагога. Как же быть?

— Ну, тогда преподавай математику, — сказали подруги. — Как наша учительница по химии Antonina Михайловна Ускова; она не только любит свой предмет сама, но и многих из нас научила его любить. Вот и ты соедишишь обе свои наклонности...

Слова подруг заставили меня задуматься. Я решила побеседовать с Antoninou Михайловной, спросить у неё, правильно ли я выбираю дорогу в жизни.

— Это — большое счастье, Нина, быть педагогом, — сказала мне Antonina Михайловна. — Это убойная, благородная профессия. Что может быть интересней и прекрасней воспитания нового человека, гражданина, активного строителя коммунистического общества!.. Кем бы ни работал советский человек — инженером, врачом, агрономом или юристом, — в сердце он хранит образ своего учителя: это педагог научил его правильно понимать жизнь и любить знания... А сколько добрых советов дали наши учителя каждому из нас! Я буду очень рада за тебя, Нина, если ты всё душой полюбишь эту замечательную и трудную профессию...

Разговор наш с Antoninou Михайловной окончательно убедил меня, что я правильно решила. Сейчас я готовлю документы, буду подавать заявление в Педагогический институт. Что думаешь ты по этому поводу? Куда решила идти ты? Пиши мне.

С приветом Нина.

Антоний Суботин.

ГОРЖУСЬ СВОЕЙ ПРОФЕССИЕЙ

Когда ко мне приезжают в гости родные или товарищи, я люблю им показывать чудесную столицу. Мы ходим по широким улицам, ездим по окрестностям города и повсюду нудим ни помыслить, видя металл, выплавляемый в мартеновских печах и пронятый на станках нашего завода.

Не по дням, а по часам растёт неслыханный наряд высотного дома. В него вливается благородный труд сталеваров. Мосты, мачты линий высоковольтных передач, пути трамвая — всюду наш труд. Одна из красивейших станций метро, «Маяковская», облицована нержавеющей стальными панелями, пронизанными нас на заводе. В автомобилях и трамваях, в швейной игле и в просяке, в тонких поднимает лифт, унося и наши стальные плечи.

Если бы мне вновь пришлось выбирать себе профессию, часто говорил я друзьям, и не задумываясь, снова стал бы сталеваром. Самая большая доля в мире — это советская доля. Самая быстрая планка стали выпущена на советском заводе. Мировой рекорд съёма стали с квадратного метра площади печи сейчас держит сталевар нашего завода В. Журавлев. Как же не гордиться им избранной профессией! «Сталевар без седьмидесяти, что пирог без начинки», — можно было

слышать на нашем заводе при французском капиталисте Гумье. Планки тогда валились «на глаза», и без длительной практики трудно было самостоятельно варить сталь.

Несказанно изменился наш завод в годы сталинских пятилеток. Дом и лопата сменили механизмы и автоматы.

Теперь многие сталевары — совсем молодые люди. Я тоже начал работать сталеваром 20 лет от роду. Планка набит сейчас не «на глаза». Плавильная печь издаёт похороны на рубку боевого моряка — столько здесь установлено разных сложных приборов.

Знатому прокатчику нашего завода И. М. Туртанову пришлось с Антониной делегацией побывать в Англии.

Меня поразило, — рассказывал Туртанов, — что люди там часто стыдятся своей профессии. Работа на металлургическом предприятии считается «черной».

Мы, молодые сталеплавильники, с удивлением слушаем такую оценку труда металлургов. Профессия сталевара — одна из самых почетных в Советской стране.

Антоний СУБОТИН, сталевар завода «Серп и молот», лауреат Сталинской премии

ГОРОД БУДЕТ!

Архитектор Евгений Козлов.

К Волге сейчас приковано внимание всех советских людей. Великим стройкам помогают украинцы и ленинградцы, поволжцы и рязанцы, крематоры и сибиряки, москвичи и ульяновцы — все хотят приблизиться к нашим дням ярким огнем уже недалекого коммунизма.

Не останется в долгу перед стройками на Волге и молодой архитектор московский Евгений Козлов. Его имени, быть может, никогда не слышали строители Сталинградского ГЭС, а между тем он органически связан их великими работами. Сидя в широкой мастерской Института проектирования городов, Евгений сохмат для них жилища дома, он вместе с ними думает о том большом городе, который вскоре вырастет на берегу Волги.

Этому городу еще нет названия, но Евгений Козлов уже теперь знает, по какой улице строители ГЭС пойдут в свой трудовой наряд, на какой площади будет разбит цветущий парк, в каких садах зазвучат радостные голоса детей, где будут жить рабочие, где будут красивые дома, достойные нашего времени, достойные людей, строящих народное счастье.

Учебу в Московском институте архитектуры, куда Илья Козлов поступил после десятилетий, прервала война. Вернувшись с фронта, он возобновил учебу. Он чувствовал, что его профессия стала одной из самых необходимых в стране; восстанавливались разрушенные города, возникали новые, утраченные земли светлыми джарданами высотных зданий. Уже в дипломном проекте Евгений проявил незаурядные творческие способности. Он разбирался в силе строительства огромного нового спортивного зала на пятидесять тысяч человек. Проект получил отличную оценку и отмечен государственной академической комиссией. На Керенской улице, в германском Севастополе, по проекту Козлова выстроен из белого инерманского камня детский дом, который считается в городе-герое одним из лучших.

Свое участие в великих стройках коммунизма молодой архитектор считает большим для себя счастьем. Увлеченный работой, он никогда не знает застоя и подходит к большому широкому делу — мастерской. Отсюда вышла вся Москва — дитя, воплощение мечты высотных зданий, мосты через реку, железные ленты метрополитана. Хороша наша столица — красивый город мира! Но и все наши советские города будут красивы, насыщенные в своем роде. Об этом заботится и молодой архитектор Евгений Козлов.

ЮНОША

ИЗ

ТАХИА-ТАША

Там, где зеленели полосы песчаной акации и саксаула, кончались хлопковые поля колхоза аула Совет, Ташаунской области. Дальше была пустыня. Её отделила от поля не только зелёная полоса. Теряясь в зарослях хлопчатника, здесь текла и вода — маленький канал, наполненный прохладой и свежестью вод быстрой Аму-Дарьи.

«Пустыня воды боится», — заметил как-то один из стариков аула, и эти слова западали глубоко в душу молодого колхозника Аллаша Батырова. До этого он никогда не задумывался над природой родного края. Пустыня даже нравилась ему своим торжественным безмолвием и необитаемым простором. Но чем старше становился Аллаш, тем больше размышлял он о несправедливости природы. В самом деле, у колхоза имени Кирова вполне хватало бы и сил и возможностей высеять хлопок и хлеба гораздо больше, чем высеивается сейчас. Но за зелёной полосой лежали чёрные пески. Аллашу казалось, что пустыня скрывает какую-то тайну. Стоит разгадать её, и всё переменится в родной Туркмении.

Но разгадать пустыню может только человек убогий, и Аллаш решил учиться, много и долго учиться.

И вот осенью 1949 года на географическом факультете Московского университета появилась смуглый паренёк в чёрной куртке. Был он по-восточному горяч и впечатлителен, особенно если дело касалось его родных краёв. Во-

Пирейск Верхняя Керника на Аму-Дарье.

культуры овец водятся у колхозников Ташаунской области.

— Ох, и любил ты свой край, Аллаш! — с улыбкой говорили ему товарищи. — После твоих рассказов мы, чего доброго, когда окончим университет, все в Кара-Кумы запросимся...

Географический факультет готовит географов нескольких профилей. Геоморфологи, например, занимаются изучением рельефа земной поверхности, гидрогеологи определяют водные ресурсы рек, на которых будут строиться гидроэлектростанции, климатологи ведут наблюдение за климатом и предугадывают его.

Аллаш Батыров выбрал себе специальность экономгеографа. Экономгеограф — первый помощник всякого строителя, проектировщика, транспортника. Ни один инженер не начнёт строить в том или ином месте завод, фабрику, новый посёлок, город, железную или шоссейную дорогу, прежде чем не посоветуется с экономгеографом.

Аллаш Батыров долго колебался, прежде чем остановил свой выбор именно на экономическом отделении факультета. Ему временами казалось, что разгадать тайну Кара-Кумов легче всего геоморфологу или климатологу. Но, всем сердцем любя свой знойный край, он прежде всего хотел помочь ему строиться, цвести и богатеть. Всё хорошее и полезное, что видел во время своих поездок по другим краям, Аллаш старался запомнить, постичь, использовать для своего родного края.

В сентябре 1950 года, когда Аллаш Батыров был уже на втором курсе, вышло историческое постановление правительства о сооружении Главного Туркменского канала. С тех пор Аллаш считал себя именинником. Подумать только, какие перспективы открываются перед любым экономгеографом, который попадает в Кара-Кумы!

— Не дождусь того дня, когда вернусь в Ташауну, — говорил Аллаш своим товарищам. — Родные пшут, что в Тахиа-Таше, который от нас всего в пятнадцать километров, уже сооружается большой посёлок для строителей. Разве я не мог бы уже сейчас кое-что им посоветовать? Скажем, где проложить новую дорогу или отыскать на месте строительные материалы... Только теперь я понял, что, прожив в пустыне двадцать лет, совсем не знал её. А теперь вот не терпится прийти к ней и сказать: «Я тебя знаю! И секрет твой тоже знаю». А ведь это всего одно слово: вода!

О горячем желании Аллаша поскорее помочь строительству Главного Туркменского канала охотнее узнали и на кафедре экономической географии университета. Профессор Саушкин однажды Аллаша к себе на кафедру.

— У меня к вам большая просьба, товарищ Батыров, — сказал он. — Составьте нам для кафедры экономический альбом своей респуб-

лики. Но имейте в виду, должно быть отражено всё: культура, промышленность, хозяйство, население.

Задание Аллаш выполнил очень быстро. ЦК комсомола Туркмении, молодёжная республиканская газета и многочисленные друзья Аллаша из городов и кишлаков Туркмении прислали ему очень много интересных фотографий и документов. Каждую фотографию Аллаш снабдил экономическим описанием, цифровыми данными.

Теперь этот альбом составляет предмет гордости всей кафедры. Посмотреть его приходит не только экономгеографы, но и студенты других факультетов.

Аллаш Батыров.

Этой осенью Аллаш Батыров войдёт в учебную аудиторию уже студентом третьего курса. А это немало значит. С третьего курса студенты уже встают в строй настоящих преобразователей природы. Их посылают в ответственные экспедиции по оказанию помощи восточным, поручают производить исследования грунтов и рельефов на местах сооружения будущих гидроэлектростанций.

Но самое большое для Аллаша впереди. Уже этой весной, когда шло распределение выпускников, его можно было видеть в группе «бюллетенщиков», толпившихся возле кабинета, где заседала государственная комиссия. И каждый раз неподдельная радость разливалась по его смуглому лицу, когда он узнавал, что кто-то уезжает на работу в Кара-Кумы.

— А мне туда через три года! Если знакомых увидишь, так и скажи: Аллаш приедет через три года!

Топографы на трассе Главного Туркменского канала.

сторженье и красочно рассказывал он о том, как хороша Аму-Дарья в летний зной, как пахнут весной Кара-Кумы, какие стада кара-

Лариса ФЕДОРОВА

Мир - 90-е

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Хороша кубанская степь ночью! Напоенная влагой, она простерлась от края до края и дремлет, набираясь сил...

Линейка тархитит по укатанной дороге. Агрономы маршируют помахивая косами и задумчиво глядят вперед. Мысли его заняты тем же, что беспокойно его весь вечер. Он ехал заседание бюро района комсомола. Заседание затянулось. Речь шла о колхозных делах, о том, как трудится молодежь колхоза имени Водозарского, о котором секретарь комсомольской организации Агрономов работает агрономом.

Николай Агрономов рассаживал на бюро, как работают комсомольцы, и, незаметно увлеченным своим любимым делом, агрономом, больше всего говорил о пропавшей семенях картофеля.

На Кубани, как и всюду на юге, картофель сажают летом, а снимают к зиме. Ему, конечно, таким образом, те условия выращивания, и навыки он привык. Но Николаю пришла в голову мысль использовать метод советских ученых, в котором картофель проходит первую стадию своего развития зимой, в помещении. Тогда можно будет высаживать его ранней весной, а в лету он уже созреет! Колхоз получит ранний картофель.

Комсомольцы, а за ними и все молодёжь колхоза горячо принялись за осуществление этой идеи. Однако нужно разложить семенной материал в утепленном помещении и сором пять дней следить за тем, чтобы были вполне определенные режимы света, температуры, вентиляции. Словом, равнодушных к этой работе подпускать нельзя. Здесь требуется душа, настоящая, живая заинтересованность.

Кутные суглики дежурных комсомольцев в помещении, где был разложен семенной картофель, собирали по всем дворам югу, чтобы подготовить как следует почву на картофельном поле. Урожай, судя по всему, будет отличный.

Еще рассуждал на бюро Агрономов о том, как по инициативе молодежи водозарцы выселили этой весной часть томатов семенами в открытый грунт. Нигде нет, вероятно, другого района, где под культурой томата были бы заняты такие огромные площади, как в Краснодарском крае. Томатный сок и томатная паста, вырабатываемые здешним консервным комбинатом, расходятся по всей стране в десятках миллионов банок.

Как выращивают томаты обычно? Выращивают томаты для парников, устраивают короба, стелют, укрывают. Выжидается рассада, потом подготавливается поле, делается лунки, и только тогда уже пересаживают рассаду в грунт. Каждый гектар — это сорок тысяч кустов предварительно выращенной в парниках рассады, сорок тысяч лунки, сорок тысяч ковшей воды для поливки. Двести пятдесят трудней раскопается только на подготовку и посевку одного гектара томатной плантации. А при высеве томатных семян в открытый грунт не нужны ни парники, ни рассада, ни поливка.

Молодой агроном колхоза имени Водозарского предложил этот способ, молодёжь поддержала его. Главная забота была — обработать почву так тщательно, сохранить в ней влагу в таком количестве, чтобы нежные сеянцы томатов стояли себе в поле не хуже, чем в парниковом раме. Обработке земли начали осенью и продолжали с первых дней весны. А потом выселили томаты, словно овес, рядовой сеялкой. И не опытным порядком, но на участие при этом работало много людей, в том числе и из ста, выделенных в колхозе под томатную культуру.

В течение недели молодой агроном вознамерился. Появится или не появится всходы? На двадцать вторые сутки, или и позднемо по законам агрономии, проросшие сеянцы кустов томатов выжились над землей, да какие дружные, крепкие! Они отлично укоренились. Заборками, убранными в конце весны, отделили на тех помидорах, что были выселены рассадой, а томаты, выращенные под открытым небом, неслись не пострадала. Новый метод, новый день колхозной жизни утверждал себя, радуя сердце агронома.

Агрономов оторвался от своих мыслей, посмотрел вокруг, поднегнул лодыжки. Линейка подползла на прикол. Здесь уже заняли землю колхоза имени Водозарского.

Много дней и ночей пролежал Николай Агрономов на выжидании на полях. И сейчас он решил проехать по бригадам, посмотреть томаты, подползшие к поверхности.

Кутурзав выглядела хорошо. Стройные, пока еще тоненькие стебли ее стояли, будто на парадном марше. Как ни старались, не могли они поперек или к диагонали — растениям встать совершенно ровной, словно проведенной линейкой, линией. Это пошло только первый шаг квадратно-гнездовой способа сева. А пройдет год — два, и люди будут удивляться, как можно было иначе высадить пропавшую культуру.

Отглядывая это море кутурзав, Агрономов думал о том, как бы то ни было были правы, закладка гнездовой способ сева.

Нет, хорошо быть в степи, знать, что все здесь создано твоими руками, — вспомнил своих друзей!

Г. НОВОГУДСКИЙ

Станица Крымская, Краснодарского края.

Высоко поднимались могучие дубы Красного лесхоза.

ЛЕСНЫЕ СКОРОСТИ

По пыльной дороге над берегом Дона идет машина. Небо над полями чистое, ясное. Солнце, вставшее за кроной осенней, только белых меловых гор, обещает прекрасный день.

В кузове поперек ящиков и мешков сидят несколько женщин, колхозный счетовод из Петрового и шофер, ездивший в Павловск за запасными частями. Как всегда, между получниками завязывается разговор.

— Сеня нынче хороше, — говорит петровский счетовод, — только б вот не перестоял. Спать бы надо с убойкой.

По обе стороны дороги тянутся лесные поляны. Еще тонкие стволы деревьев, нежная молодая листва, и эти поляны еще сами тускуются в защите от сорняков и губительных суеверов. Там и тут мелькают яркие косинки женщин, опаливающие молодые деревья, разрывающиеся землю.

— Когда-то они вырастут, лесопосадки... — вздыхает одна из женщин, сидящих в машине. — Жаль-то долго.

— А вот, говорят, есть такой человек, — заговорил шофер, молчаливый всю дорогу, — есть лесовод один, Колесниченко Михаил Васильевич.

Вот он задул самое большое дерево. Ох, и большое! Чтоб деревья сразу вырастали на метр от земли! Дубы особенно. Он же медленно растут...

— Ну, уж сразу и на метр! — не верят женщины. — Уж так это скоро!

— А что ж, дело возможное, — соглашается с шофером петровский счетовод. — Человек теперь все может, все ему доступно. Если задул, обязательно добьется!

Мысль о том, что дубки, которые после всхо-

да, по выражению лесоводов, «идят» пять — шесть лет, кустятся и только потом «стреляют», то есть дают по 70 — 80 сантиметров прироста, что эти самые дубки в первый же год будут «стрелять», радует счетовода. Он возбужденно хлопает ладонью по колену и восклицает:

— Ай, и голова! Подумался до чего, а? Да это не через десять — пятнадцать лет, а через пять все земля оденется лесами...

Разговор, ушлившийся в попутную машину, и привел меня в знаменитый Шивов лес, к молодому ученому-лесоводу Михаилу Васильевичу Колесниченко.

Колесниченко? — переспросил старший лесничий Туртыгин. — Сейчас мы вас познакомим... Человек он молодой, но знающий. Если б не война, еще больших успехов достиг бы.

Внешне сдержанный, немногословный, Михаил Васильевич Колесниченко — директор Шивовской опытной лесной станции похож на бойца. Действительно, во время войны он был артиллеристом. Он и теперь, как здесь шутят, имеет дело со «стволами», правда, сейчас это не артиллерийские стволы, а топики, еще травянистые стволы дубков, и бригад у него много колхозных, которые приходят к нему на выручку: как сажать, как растить молодых новобранцев зеленой армии мира...

Существует предрасудок, будто лесоводы — народ медлительный, чересчур спокойный. Дескать, торопыться им некуда: лес растет веками.

Михаил Васильевич — человек неспокойный, нетерпеливый. Коллектив, находящийся в его подчинении, небольшой, но это все люди энергичные, влюбленные в свое дело и лесничество, и инженеры, и рабочие питомников, и научные

сотрудники, и студенты, приезжающие на практику, и обезьячки с лесных кордонов, и даже ведедущий захотел Иван Иванович. Все здесь заражены охотой большой, замечательной идеей: как можно быстрее дать стране хорошие широколиственные леса — защиту полей от сушеи, конденсаторы влаги.

Легко сказать: «как можно быстрее». А как? Трудно было Колесниченко, молодому учёному, искать новых путей. Одна из древнейших профессий — лесоводство, — по сути, оказалась самой юной из наук. Только сейчас стал проявиться тот «тёмный лес», который развивал в этой науке веислависты-морганиты. Только сейчас человек стал всё чаще и смелее вмешиваться в дела природы.

Ускорить рост дуба, самого ценного, самого выносливого дерева степной полосы, Колесниченко задумал давно. Воспитанный комсомолом, учёный-коммунист не мог мириться с веиславистскими рамками словоупотребления. Он хорошо знал пресловутые стадии роста дуба: первую — «сидение», или «ожидание», когда росток, словно Илья Муромец, сидит много лет под пологом леса, и вторую — «световую стадию, когда дуб, подняв на солнце, быстро идёт в рост. В естественных условиях большинство деревьев-самосевов, прикрытых листвою, гибнет и превращается в «торчк», так и не увидев солнца. Объясняли это по-разному: недостатком влаги, недостатком света и даже внутривидовой борьбой...

Колесниченко задумался над тем, как сократить «ожидание», как вырастить сразу выносливый, крепкий дубок.

Часто засиживался Колесниченко до рассвета за книгами, а когда светлело небо, шёл он по мочковатой росе траве в питомник, с надеждой всматривался в реющую листву ростков.

Может, «сидение» сократится, если сразу сеять дубки на солнце? Заложил опыты. С нетерпением ждал Михаил Васильевич выходов. Но дуб рос поскрипывало медленно и «сидел» на солнце дольше, чем в тени.

Как же быть? Что делать?

Услышал как-то Колесниченко замечание старого лесного обезьячки Кулепова:

— Это Михаил Васильевич толк никогда не выплывал... Он бы знал: телку хоть золотое зёрно давай, всё равно мордой толкать будет...

Ничего сначала не понял Колесниченко: при чём тут телёнок? А потом догадался. Ну, ясно: привыкнув к тоненькой стружке материнского молока, телёнок не может сразу питаться из ведра. Значит, и молодёнку дубу солнце нужно не ведром, а тоненькой стружкой...

На опытных делянках питомника Шиповской станции есть интересные дубки. Столбы у них уже одревеснели, рослые, густолиственные.

— Как вы думаете, сколько им лет? — спросил у меня Колесниченко.

Михаил Колесниченко.

— Лет семь...

— Вот и ошибайся!.. — засмеялся он. — Это трёхлетки, совсем ещё дошколята.

Я посмотрела на дубки с уважением: «скороплатки!» Выросли вдвое быстрее обычных.

— Как же это вам удалось?

Михаил Васильевич подробно рассказал о своём методе яровизации желудей.

— Знаете, иногда мучаешься, усложняешь опыты, а решение совсем простое. Обычная яровизация, как у пшеницы. Лежали желуды в тепле, во влажном песке всю зиму. Вот в течение зимы, за девятью дней, дубок-желудок и прошёл у нас одну из стадий развития! Правда, это ещё не то, что хотелось бы, но уже и не прежние «слияния»...

Он прошёл по питомнику вдоль делянок, осматривая контрольные участки, где сидели обычные, «медленные» желуды, закурил папиросу.

— Мне вот некоторые говорят: «Да, опыты с яровизацией — интересно. Но ведь вы и сами не знаете точно, какой нужен режим для желудей: холод ли, тепло, нужно ли облучать желуды солнцем?» В общем, опять ссылаются на «тёмный лес». А мы не можем ждать слова руки...

— Лет пятнадцать всё-таки придётся пождать?

Пятнадцать? Нет, это слишком долго. Лет пять — самое большое. А за эти годы разве мало других проблем возникнет? Например, нужно добиться, чтобы дуб хорошо плодоносил не через каждые семь лет, как обычно, а ежегодно... Или бересклет... Это очень ценная порода деревьев. Выходы его появляются только на второй год после посева, а мы вот получили выходы в первый же год. Вот так ходишь иной раз вокруг дерева, смотришь на него, чуть не спрашиваешь: «Ну, чего тебе не достаёт? Чего тебе ещё надо, чтобы ты рос?»

Мы шли по тенистой аллее. Нагретый солнцем воздух словно дрожал от испарений. В цветущем бормышине гудели пчёлы. Среди стройных дубов буйно разрослись «гости» — амурский бархат, дающий пробер, американский орех, дуб красный, липовый. Голубые, в высоких кроках броды ветры, и листья шумели, как море, и зелёные волны их несли влажную свежесть и прохладу.

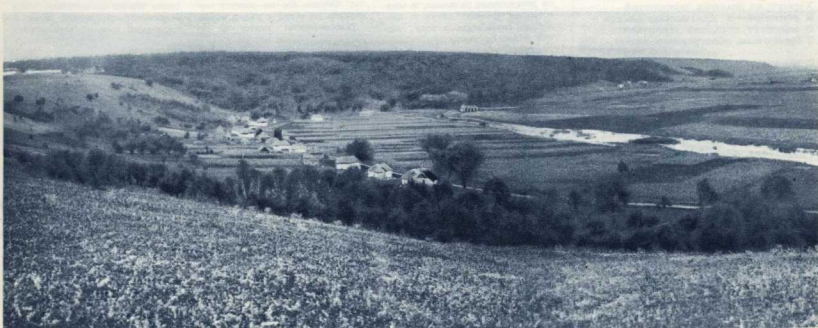
— А знаете, — сказал Колесниченко с едва заметной улыбкой, — ведь я в детстве мечтал о море. И поступал то и в Лесной институт с неохотой, и в Воронеж учился; кораблестроителем хотел стать... Это уж потом увлекся биология, специальные предметы. А теперь, — Колесниченко, запрокинув голову, посмотрел на вершины дубов, — а теперь... Разве не большое счастье растить вот таких красавцев! Ведь это тоже для моря, корабельный лес...

Слова Колесниченко о море напомнили мне предание: когда-то, сотни лет назад, Пётр Первый, приехав на Дон строить корабли для Азовского похода, поднялся на эти холмы, поросшие лесом, осматрелся и сказал: «Место мне красивое есть». С тех пор и зовётся оно Красным. И села тоже хранит названия тех времён: Пузово — потому что там делалась липица кораблей, в Гваздове изготавливались гювели, в Клеповке клепали судна, в Чернявке добывали смолу и дёготь.

...По шоссе на Бутурлиновку мимо лесхоза пыли колхозные попутники и зыбь, лёгкая пыль ложилась на бесстопную, дающую поверхность зелёной листвы. Там, далеко за полями, начинались темнеющие массивы старых лесопосадок Института земледелия имени Докучаева — ветеранов в борьбе с суховием. Могучие дубы высили голыми над многолиственными клёнами и осинами, опавшими косясь на соперников, едва заметных, разбросанных крохотные кроны у самой земли.

Ныне это «младое, незнакомое племя» очень быстро растёт, обгонит старое. Как знать, ведь Колесниченко не одинокий — в преддверии, наконец, люди такое, что вырастут леса очень быстро, так быстро, как это нужно нашей Родине...

Ольга КОКУХОВА

Я верю

Трудом сумеешь добиться всего,
Смелей за дело берись.
Шагаем вперёд, не боясь ничего,
Мечты воплощая в жизнь.

Нужен лес — мы вырастим лес,
И ветру в полях не пройдем.
Нужны фрукты из южных мест —
Заставим у нас расти.

Простится когда-нибудь майский день,
Солнце блеснёт из синевы,
И кинут пальмы стрелчатую тень
На улицы нашей Москвы.

Я верю, что будем когда-нибудь мы
Решать, каковы на вес
Дыня «Полярная», персик «Таймыр»
И тундровый арбуз.

А. ЛЕОНТЬЕВ

Студенческое

Хорошо из дальних экспедиций
В сентябре — с желтеющим листом —
В институт внезапно зайти
С бронзовым, обветренным лицом,

С ворахами свежих впечатлений,
И навек с работой порознь!
Хорошо, что это не в последний,
Да, конечно, не в последний раз!

Будет напряженная учёба,
Лекции, собрания, кружки,
И, друг другой верные до гроба,
Разойдутся старые дружки.

Будем чекотать по бездорожью
В поисках небада и улаи.
Слово кратко «назад» — ведь то же,
Что для марсового крика
«Земля!»

Каждый знает, что в горах безлюдных
Во степях дорожка слово «друг»
И геолог в походах трудных
Без друзей хороших, как без рук.

И, наверно, в поле у пашток
Вспомним мы товарищей не раз:
До чего же славные ребята
В институте учатся у нас!

По Волго-Донскому каналу пойдут новые комфортабельные дизель-электрические теплоходы, созданные инженерами и рабочими «Красного Сормова».

На волжских просторах

...Над гаванью плыли гудки. В ровный гул sireны врывался настойчивый гудок паровоза. Откуда-то сбоку пронзительно сигнализировала автомашина.

К Волге по узким рельсам налетел заводской паровозик. Он вёз из цеха буксир. Огромный краснотелый корпус буксира с чёрным лакированным днищем и неординарными для якорных цепей торжественно пылал по суше через зелёный, пыльно-кустистый север, пересёк асфальтированную дорогу, чуть не задев верхушки молодых тополей.

На берегу, у места спуска, толпились люди. Оживлённый разговор вели с бригадой спусковой команды студенты-практиканты.

Буксир быстро приготовили и спустили. Когда Юрий Панов вышел на палубу плывущего крана, на спусковой площадке раздалась команда:

— Стоявшие упоры убрать! Лодки убрать!

На краном не по-летному холостым солнцем сверкал купол. Одним взмахом рабочие перерубили канаты, державшие судно на деревянных салазках, и многолетняя громада легко и бесшумно скользнула в воду, подняв большую волну.

...Один за другим покидают гавань бесконечные танкеры-электроходы, морские и речные буксиры, теплоходы-сухогрузы.

В Сормовской гавани строится судно, которое очень нужно для строительства Кубышевской гидроэлектростанции.

Выяснения на месте будущего котлована Кубышевской плотины показали, что грунт там особо плотный: обычным землекопом невозможно вынуть несколько тысяч тонн глинистой, сыпучей и каменной земли. Тогда было решено срочно достроить на заводе «Красное Сормово» мощную землечерпалку. За решение этой сложнейшей задачи взялась группа сормовских конструкторов. Будущей землечерпалке они дали гордое звучное имя: «Пятилетка».

В мае на завод пришло открытое письмо строителя Кубышевской гидроэлектростанции. Они писали:

«Мы обращаемся к славному коллективу рабочих, инженеров, техников и служащих завода «Красное Сормово» с горячей просьбой — приложить все силы и использовать все возможности для того, чтобы закончить работы по землечерпалке «Пятилетка» к августу 1951 года».

...На «Пятилетку» уже полным ходом шли монтажные работы. Осталась была за черпательной рамой. Эту раму, весившую 35 тонн, мог поднять на борт «Пятилетку» только один кран в гавани.

Но кран бездействовал. Чтобы он заработал, нужно было приварить внутри котла небольшие брусочки, «нортовые связи», а свар на внутри котла, как на грех, никак не ладилась.

Под упор, надев комбинезон и очки, в котёл забрался молодой инженер комсомолец Юрий Панов.

Гавансварщики недоумевали: если уж они, мастера варить в любых сложных условиях, и то ничего не могут сделать, то механику, да ещё такому молодому, и подавно не справиться...

— Одна готвала! — раздался голос Панова. Он на минуту по-казался из котла и снова исчез.

Гавансварщики могли и не знать, что инженер Панов, прежде чем защитит диплом на юрфакультете Горьковского политехнического института, много лет проработал в цехах «Красного Сормова».

На втором году Отечественной войны ветеран-сормович мастер инструментального цеха Леонид Михайлович Панов привёл в отдел кадров младшего сына и сказал:

— Двое на фронте воеют... а этот пусть старшим делом помогает.

Так Юрий стал слесарем в одном из цехов.

Шлому-дистилетку он закончил уже бригадиром слесарей, а в год окончания войны подал заявление в Горьковский институт. К заявлению была приложена блестящая рекомендация заводского комитета комсомола.

Практику будущий инженер-судомеханик проходил в цехе,

где каждый третий рабочий знал Панова по имени. Голосом молодым, но чем-то схожим с отцовским, Юрий отвечал на расспросы о будущем:

— А куда же мы, Пановы, из Сормова денемся? Обратно и вернуться...

За годы работы инженером на родном заводе Юрий Панов участвовал в строительстве буксирных «Салент», «Намчатки», «Айвазовский», «Шинши» и многих других, названий которых сразу и не вспомнишь...

...Когда новый буксир поставили рядом с готовыми и рейсу судам, Панов сошёл на берег. Справа и слева от него стояли возмужавшие люди — сварщики, техники, студенты, его друзья и помощники в трудном и радостном деле создания нового корабля.

Вот заработал и плывущий кран. Сначала из трубы покатился тонкий, как из папиросы, дымок; вскоре он покатил густыми кудрявыми клубами. Дрогнули и заверещали тросы на лебедках, и желёзная шея крана медленно потянулась к «Пятилетке». Со стороны казалось, будто чёрная любопытная птица с длинной предплечной шей и маленькой головой заглядывает в грунтовой колодец землечерпалки.

Через несколько часов Юрий Панов уже сидел в своём «кабинете», временно оборудованном на месте будущей плотины.

Каждый новый день приносит молодому судостроителю много разных радостных работ. Знания на 1-й курс в университете марксизма-ленинизма; цеховые соревнования по волейболу; жаркая схватка с конструктором, недостаточно уверенным в том, что деталь, придуманная рабочим-слесарем, сократит срок сборки «Пятилетки» почти на месяц; работа в райком комсомола; сдача аспирантского минимума.

Время — вот единственное, чего недостает Юрию Панову. Но время — это верный хронометр счастья. Когда жизнь хороша, человек не замечает, как мчится время, и годы свертываются, как один сплошной солнечный день.

Тамара НИКОНОВА

ОДИН ГОД И ОДНО УТРО

Большая просторная комната. У окна стоит стол с чертёжной доской, в углу треножники ивелейра, на полу клубок верёвки. Над чертежом склонился в раздумьи молодой человек. На чертах дремлет ёж по прозвищу Яшка. Тишина. Чуть слышатся бумага, когда человек проводит рейс-федером линию.

Борис Дегирёв — начальник дорожного отряда. Его комната — штаб отряда.

Линия на чертеже почти прямая. Это дорога. Она пройдёт через десюток сёл, прорежет горы и перекинется мостами над ручьями и реками.

Сегодня ровно год, как Дегирёв закончил Борисоглебский дорожный техникум. Что же сделала за год? Сначала работала техником при машинно-дорожной станции, а вскоре ему поручили строить участок дороги. Когда машина проносилась по новой трассе, Борис прислушивается к какому-то звуку. Но машина идёт плавно, без толчков, без скрипов, — значит, дорога ровна. «А там мои первые пять километров», — вспоминает Борис. Теперь его назначают сюда самостоятельно строить дорогу.

Борис отходит, чтобы издалека посмотреть на чертёж. Многое видит он в этом чертеже: и разнообразие ландшафта, и особенности грунтов, и различные машины... Но изучение дороги, которую он исскагал и промерил, уже кончилось. Началось строительство. Так прошёл год...

Заварили куралты. Это по радио передают знакомые сигналы. Шесть утра. Ёж прислушался и вдруг свернулся в клубок.

Двери распахнулись, и на пороге появилась девушка в вязаной кофточке, с комсомольским значком. Это Людмила Полянцева — бригадир погрузочной бригады.

— В чём дело, Дегирёв? — спросила она трезво.

Борис сразу понял, почему так взволнована девушка. Он встал и взялся за фуражку.

— Я ждал тебя. Едем на карьер.

Дело в том, что когда сегодня девушки пришли в карьер, молодой тракторист, работающий на тракторопогрузчике, сообщил:

— Приезжал начальник отряда и велел работы не начинать...

Услыхав это, бригадир вышла в штаб отряда. В машине Борис объяснил, что ночью в карьер доставлено три трактора и подача камня будет полностью механизирована. Это на каждом кубометре гравия сэкономит более рубля.

— Представляешь, Люда, какая экономия?

— А как же бригада? — перебила его Полянцева.

— Бригада остаётся, только часть девушек переведём на камнедробилки. Ведь тракторами будет погрузено больше камня.

— А я думала... — говорит Полянцева.

— То-то. Сколько раз я тебе говорил, Люда: руководитель должен быть всегда спокоен, негорюп в выборе решений. Я к тебе собрался, но знал, что ты приедешь в штаб; горячишься, а вот посмотри...

В карьере шумел мотор передвижной электростанции. Из коша экскаватора сыпались огромные глыбы к камнедробилкам, таратайки длинные цилиндры грохотов, сортирующих гравий. Но самым главным сегодня в карьере было то, что по трём тракторам пересыпался уже отсортированный камень и водопадом лился в машины. Экскаваторщик Николай Вистунов, приторкыв дверку кабины, крикнул Борису:

— Красота! Вот красота!

Когда часа через два Дегирёв закончил все дела в карьере: расставил рабочих, подсчитал среднюю скорость производительности, что ему было нужно для дальнейших расчётов, — к нему подошёл один из шофёров и передал записку десятника: «Всё пустили по графику. Грейдеры уже далеко».

Несколько дней бегал Дегирёв, чтобы использовать весь комплекс механизмов. Наконец был составлен график, проведено совещание

Борис Дегирёв, начальник дорожного отряда.

с трактористами, и сегодняшнее утро должно было показать на деле преимущество нового метода.

Когда Борис поднялся на гору, перспектива дороги предстала перед ним, словно на плане. Далеко впереди работали бульдозеры: они уравнивали дорогу, снимали дерн. За ними мощные тракторы вели грейдеры, которые широкими плугами отрывали канавы по обочинам. Внизу, под горой, самосвалы укладывали на дорогу толстую гравиевую подушку, дальше

многотонные катки укатывали камень, и где-то слева на дороге выливалась густой гудрон. Словом, все виды дорожных работ применялись одновременно.

Значит, было из-за чего промучиться над расчётами, значит, не зря исхожен каждый участок, значит, график был жизненным, раз на глазах вырастала дорога, которой суждено сократить расстояние и сберечь время!

А. ОДИНЦОВ

Водитель горного комбайна

Уголь! Куда ни посмотришь, всюду мы видим его знобисто, наделяя из каменного угля. Это — тепло и электроэнергия, это красина и искусственный алмаз...

Два года назад пришёл из школы ФЗО на шахту № 3-бис треста «Истинновугирит» Василий Кучер. Он начал работать комбайнщиком — этой профессии обучила его школа. Любопытный Василий научился слесарничать, и когда на шахте появился первый угольный комбайн «Донбасс», он попросил, чтобы ему разрешили работать на чудесной машине. Он присматривался к машине, ужаснулся на неё. Комсомолец предложил усовершенствовать грузчик комбайна, потом осуществил спаривание моторов, увеличив тем самым скорость движения комбайна. Добыча угля продолжала расти из месяца в месяц и достигла 18 тысяч тонн.

Борьба за увеличение добычи угля, Василий Кучер делится опытом личиной работы со своими товарищами.

Молодой водитель горного комбайна Василий Кучер удостоен за свой труд Сталинской премии.

Лауреаты Сталинской премии машинист угольного комбайна В. Кучер (слева) и его помощник Н. Ермоков у вагонетов с углем, добытым сверх плана.

ВАН СЮЭ-БО

Без коммунистов нет Китая!

Нам открыли коммунисты
путь, тридцать лет,
а без коммунистов
и Китая нет.
Коммунист
любит свой народ,
коммунист
бесстрашно в бой идет.
Воля коммунистов
жизнь дала
нам.
Путь коммуниста,
как стрела,
прям.

Хлеб в освобождаемые округа,
базы партизанские в тылу у врага,
счастье всем трудящимся, мир и свет
вокруг —
это дело коммунистов, их могучих рук.
Коммунист — народу слава,
коммунист
не щадит врага.
Нам открыли коммунисты
путь побед,
а без коммунистов
и Китая нет.

Перевел с китайского
С. БОЛОТНИН

ДЭН ЧЖИ-И

Праздник освобождения Маньчжурии

Мы сегодня справим торжество
В честь освобождения своего.

Мы повесим позле всех дверей
Сотни разноцветных флагов.

И пускай до утренней зари
Не погаснут эти флаги!

Ведь они, как тысячи огней,
Что теперь всех ярче и сильнее,

Даже в самом индешском дому
Древнюю рассеивают тьму.

Слышишь, как на улице поют,
В гонимы бьют и в барабаны бьют

И под звуки праздничной «инг»
Пляшут весело — ноги к ногам!

Но старинный наш завет хорош:
«Если из колодца воду пьешь, —

Не забудь, приятель, про того,
Кто когда-то выкапал его».

Так и ты, мой друг, не забывай
Про того, кто выручил наш край:

Про бойцов, не знающих преград.
Про Советской Армии солдат!

Перевел с китайского
А. ГИТОВИЧ

И. ЕРМАШЕВ

АВАНГАРД КИТАЙСКОГО НАРОДА

Первое мила коммунистической партии Китая исполнилось тридцать лет. С этим гримом достоинствами не может сравниться ни один предыдущий период в истории борьбы китайского народа. А история эта длительная и обнимает многие тысячелетия.

Сотни раз китайский народ поднимался на борьбу против жестоких угнетателей, но раз стихийные народные восстания сматывали могущественные династии, испровергали чужеземных властителей, но ни разу народу не удавалось разорвать и окончательно сбросить с себя путь феодальной кабалы. Сменялись династии, но гнет оставался.

Сто с лишним лет назад китайский народ оказался лицом к лицу с новыми врагами — европейскими колонизаторами, а затем колонизаторами американскими и японскими. К феодальному гнету прибавился гнет колониальный. Над страной нависла угроза полной потери национальной независимости. Народные массы не мирялись с хозяйничаньем иностранных капиталистов в их стране. Героическое Тайпинское восстание, приведшее к созданию Тайпинского государства (1850 — 1864 годы), массовое антиимпериалистическое восстание 1900 года, многочисленные выступления крестьян во многих провинциях оставили в истории Китая неизгладимый след. Велики были героизм народных масс, их порыв, их готовность нести любые жертвы во имя свободы, но победа оставалась далкой и недостижимой: в Китае в те годы не было рабочего класса, не было пролетарской партии, а без них крестьянские массы, лишённые пролетарского руководства, не в состоянии были добиться победы.

Рождение Китайской коммунистической партии — это величайшая по значению историческая веха в развитии Китая. В 1921 году, когда из отдельных кружков, созданных в различных частях страны первыми деятелями коммунистического движения — Мао Цзе-дунем, Ли Дэ-чжао, Чжоу Энь-лаем, Цю Цю-бо, — стала складываться коммунистическая партия, в Китае уже был пролетариат. Предшествующие годы, овеянные горячим дыханием Великой Октябрьской революции в России, были школой для китайских коммунистов. Ленин и Сталин указали им путь — «русский путь», по выражению товарища Мао Цзе-дуна, Марксизм пришёл в Китай, обогащённый опытом трёх русских революций. Существование на границах Китая страны пролетарской диктатуры было важнейшей предпосылкой успеха китайской революции.

Счастьем китайской компартии было то, что уже в самый ранний период её существования она могла черпать из такого источника, как марксизм, основанный и развитый Лениным и Сталиным. Товарищ Сталин разработал все важнейшие проблемы китайской революции. Он указал на её особенности, без учёта которых она не могла победить.

История Китайской коммунистической партии есть история вооружённой борьбы китайского народа на протяжении последних тридцати лет. Вначале эту борьбу олицетворяли бои кантонской народно-революционной армии. После контрреволюционного переворота Чан Кай-ши, 12 апреля 1927 года, эту задачу взяла на себя славная китайская Красная армия. В годы войны против японского нашествия её осуществляли 8-я и Новая 4-я народно-революционные армии, а также созданные ими партизанские армии. В завершающий период, в годы Великой освободительной войны китайского народа против Чан Кай-ши, вооружённую борьбу довела до конца могущественная многомиллионная Народно-освободительная армия Китая, поддержанная всем народом. Товарищ Сталин неоднократно указывал китайским коммунистам на необходимость изучения ими военного дела. Китайские коммунисты под водительством Мао Цзе-дуна осуществили это сталинское указание.

Тридцать лет китайская компартия — героический авангард китайского пролетариата — руководит борьбой народа. Сперва компартия была малочисленной. На первом съезде, состоявшемся в мае 1921 года, присутствовало всего лишь тринадцать делегатов, а во время Китая было только пятьдесят коммунистов. В настоящее время в рядах китайской компартии насчитывается свыше пяти миллионов борцов за дело народа, партия накопила громадный опыт руководства массами.

Пятиотмиллионный народ встал в ряды великой армии демократии и социализма. Армия народа. Вместе с советским народом, народами стран Восточной Европы, строящими социализм, он стоит на страже интересов человечества, оказывает поддержку всем жертвам империалистической агрессии на Востоке, его силу чувствуют все народы колониальных стран, борющиеся за своё освобождение.

Компартия Китая — вождь всего китайского народа, она пример для китайской молодёжи. Молодые рабочие и крестьяне Китая, студенты и учащиеся, юноши и девушки учатся революционной борьбе у своих советских боевых друзей, учатся на трудах Ленина и Сталина, Мао Цзе-дуна.

ВО ИМЯ МИРА. [Подписание Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой].

В. ВИНТИНСКИЙ, Э. ЖУКОВ, Е. ЛЕВИН, Л. ЧЕРНОВ, Л. ШМАТКО
Выставка изобразительного искусства Украинской ССР.

Там, где будет Куйбышевская ГЭС.
Всесоюзная художественная выставка 1950 года.

Она писала, поглядывая то на голубя, то на глобус...

САЛАМ КАДЫР-ЗАДЕ

Вестник мира

Рассказ

С преподавателем Судаба встретилась на лестнице.

— Салам, Акиф-музалим!

— Здравствуй! — тепло отозвался преподаватель и остановился. Остановилась и Судаба.

Приглаживая свои посеребрённые седой волос, Акиф внимательно смотрел на ученицу.

— Ну, как твои дела, Судаба?

Конечно, Судаба сразу же догадалась, о чём спрашивал её учитель: он хотел знать, в каком состоянии её дипломная работа.

— Я ещё не начинала, — смущённо ответила девушка.

Увы, такой ответ преподаватель слышал не впервые.

— Послушай, Судаба, — строго сказал он. — Так больше нельзя. Время идёт, а ты даже ещё не знаешь, что будешь рисовать. Давно пора бы выбрать тему.

Преподаватель смолк, и его худое морщинистое лицо выразило крайнее огорчение. Он пошёл было по лестнице вверх, но, заметив, что Судаба стоит неподвижно, сказал:

— Если тебе трудно решить самой, приходи, подумаем вместе. Ведь я тебе уже говорил об этом. Ты куда-нибудь сейчас спешить?

— Я нигде не спешу, музалим!

Седой преподаватель и невысокая чер-

нокосая Судаба поднялись по лестнице и пошли по длинному коридору училища.

Засожив руки за спину, Акиф-музалим шёл не спеша, раскланиваясь со встречающимися студентами. Судаба шла следом за ним.

За пять лет учёбы в училище Судабу успели полюбят и преподаватели и студенты. Она всегда была весёлой и остроумной, и товарищи не привыкли видеть её такой задумчивой и молчаливой, как сейчас. Все замечали эту перемену, хотя она и пыталась улаживать.

Учитель проводил её в свой маленький кабинет. На стенах висели знакомые Судабе картины Репина, Серова, Сурикова, Азим-заде.

Девушка в нерешительности остановилась у двери. Учитель прошёл к своему столу, оборвал с календаря листок прошедшего дня, затем открыл окно и сел за свой рабочий стол.

С улицы сразу пахнуло крепким морским ветром. Он рассыпал на её высоком лбу мягкие волосы, добрался до чёрного галстука музалима, откинул его в сторону.

— Ну, рассказывай, Судаба, какие трудности у тебя в работе?

— Никаких трудностей, — тихо ответила девушка и отвела со лба чёрную прядь. — Я хочу нарисовать... Судаба остановилась. За последние дни состояние какой-то беспомощности не покидало её. Где взять точные образы, слова, что бы рассказать о том большом, что жи-

вёт в её маленьком сердце?! — Как мне сказать, чтобы вы поняли, музалим? Я хочу нарисовать такую картину, о которой думают миллионы людей на земном шаре.

— Что ж, — поспешил к ней на выручку учитель. — Это очень хорошо, что тебя интересуют современные темы... Но только ведь время-то не терпит. Как бы тебе не пришлось потом рисовать в спешке... — Он показал Судабе оторванный листок календаря. — Видишь, это только бумажка. Но каждый день, когда я срываю её с календаря, то неизменно спрашиваю себя: а что я сделала в течение этих суток? И вот эти двадцать четыре часа моей жизни пропали даром!

Судаба молча рассматривала носки своих туфель. Тонкие, красиво изогнутые брови девушки сошлись на переносице.

— Конечно, ты можешь поразмыслить над темой ещё... Но мне кажется, что это можно было сделать месяц назад.

— Я думаю об этом больше трёх месяцев, музалим, — ответила Судаба.

— Может быть, возьмишь себе тему полегче?

Девушка резко встала:

— Нет, музалим! Я не хочу рисовать ничего другого!

Она торопливо вышла из кабинета, пробежала длинный коридор с мраморными стенами и остановилась только тогда, когда в лицо пахнула морской ветром. Судаба, взволнованная разговором с учите-

* Музалим — учитель.

алем, забрала в каку-то незнакому ей улаучку.

«Зачем я так резко ответила ему? — с раскаянием думала девушка. — Надо было сдержаться себя...»

Весь день Судуба чувствовала себя неспокойно. В самом деле, мешать с дипломной работой больше нельзя. Все её одноклассники уже давно трудились над выпускными темами.

Ночью ей не спалось. Мысли сменяли одна другую. В воображении её вставали старики и подростки, женщины и девушки в праздничных национальных нарядах, радостные и счастливые. Но вдруг всё это сменялось со зловещим слепком покаяния, чёрными завесами разрывов над полом боя. Перед глазами Судубы вставали горящие города. В этом жутком мареве не видно было ни людей, ни солнца.

Шам чамы, а Судуба никак не могла заснуть. Она не находила себе покоя. Если дело было только в защите диплома, она уже давно выбрала бы себе другую тему, как ей советовал преподаватель. Без особого труда она нарисовала бы нефтяники на фоне выпшек, колхозницы, собирающие хлопок с белого пушистого поля, или корейского патриота, совершающего подвиг по имя свободы родной страны. Да, она легко могла бы изобразить всё это на полотне. Но нет. Ей нужно было показать на этом полотне большую мечту, которая живёт и в сердце нефтяника, и в сердце его сестры — колхозницы с хлопковых полей, — и в сердце брата — корейского юноши...

Вот уже несколько месяцев эта мысль не давала ей покоя, потому что Судуба знала: очень трудно в маленькой картине поселить мечту многих миллионов людей.

Вспоминались детские годы. Она провела их в деревне, где жили тогда её родители. Каждое утро с восходом солнца Судуба бегала в сад. Сколько там было цветов! Ей хотелось потрогать каждый из них. В восторге весеннем платиле, с двумя короткими косичками за плечами, она была похожа на несущую бабочку, порхающую от одного цветка к другому.

Но, кроме цветов, у Судубы был ещё один, самый близкий друг — большой белый голубь. Сначала он жил где-то по соседству и прилетал к Судубе только за вкусными зёрнами, которые она разбрасывала по двору. Но сосед, хозяин этого голубя, узнав, что девочка очень привязалась к его питомцу, подарил ей его.

Вскоре голубь так привык к новому двору, что почти никогда не улетал. Девочке доставляло большое удовольствие смотреть, как птица острым клювом ударяет в зёрна и быстро перебегает с места на место на своих упругих ножках.

На шаловистости груди голубя были чёрные пятнышки. Особенно нравились Судубе глаза голубя — добрые красноватые глаза, которые он осторожно прикрывал, когда девочка брала его в руки.

Вот какое детство было у маленькой Судубы.

Обо всём этом вспоминала Судуба, а сон всё не приходил. Девушка беспокойно порочалась под одеялом. И вдруг отстранила, била, мысленно обождала её сердце. Резко отбросив одеяло, Судуба села на край кровати.

«Голуби! Мой голуби!»

Сонная сестричка замочкала губами, и, чтобы не разбудить её, Судуба, крадучись, переползала в соседнюю комнату.

Была поздний час. Где-то за окном из репродуктора неслись полуживые удары

с Кремлёвской башни. Мелодичный звон, казалось, лётся откуда-то из глубины звёздного неба. Нервно работая, Судуба быстро набросала эскиз рисунка и, прижимая к груди свёрток, торопливо направилась к учителю.

Вот и дом, в котором живёт Акиф-музалим. Как хорошо, что в его окнах ещё горит свет!

Судуба позвонила. Не прошло и минуты, как учитель, одетый в длинный халат, открыл ей дверь.

— Что случилось, доченька? — с тревогой спросил он Судубу. — Ты так поздно!

— Простите меня, музалим, что я беспокою вас. Но от радости я не могла дождаться утра. Теперь я знаю, что мне рисовать. Я пришла показать вам только набросок...

И девушка, не дожидаясь приглашения, вошла в кабинет музалима. Здесь она развернула бумагу и, положив её на стол, не спускала глаз с учителя.

Ей казалось, что он саником медленнее приближается к столу, слышном равнодушно смотрит на рисунок. Наконец он поднял глаза:

— Ты очень хорошо придумала это, дочка. Теперь за работу!

Чёрные глаза Судубы заискрились от радости: её замысел был одобрен!

Старый художник крепко полюбил её рисунок...

...Судуба уже давно работала в мастерской. Она писала, полагаясь на то на голубя, проживавшего по столу, то на голубя. Надо было торжественно времени у неё оставалось очень мало.

Порой работа затянута, так, что она забывала об обеде и о том, что уже давно устали ноги. Если бы можно было писать масляными красками и при электрическом свете, она не выпускала бы из рук кисти и ночью.

Иногда, поднимая голубя, Судуба заставляла его взмывать крыльями. Тогда, испуганный, он вырывался из лапонай и, с силой расклевывая крыльями воздух, взмывала вверх, делала круг возле открытого окна, как бы путая свою хозяйку, но через минуту возвращался на прежнее место.

Акиф-музалим появлялся в мастерской часто. Он подходил к каждому дипломнику и, склонившись над его работой, давал советы.

Каждый раз, останавливаясь за спиной Судубы, он неизменно говорил:

— Да, действительно, доченька, над этим подумать стоило. Зря я тебя так тороплю.

— Нет, музалим, — спокойно отвечала девушка, — если бы вы молчали, я бы сполно спала по ночам и никогда не шла бы к ничему достойному...

Так проходили дни, и дипломная работа Судубы подвигалась к концу.

Какое торжественное вхождение парило у студентов пятого курса в день защиты дипломных работ! В переполненном гостями зале открывалась выставка.

Акиф-музалим в сопровождении известных художников ходил вдоль стен, увешанных картинами. Знатные гости часто что-то отменяли у себя в блокноты. Да, это была последняя проверка и самый ответственный момент для выпускников. И они, не отрывая глаз от блокнотов, ходили по пятам за художниками, делая вид, что их только и интересует оценка работ своих товарищей.

Взорам присутствующих открывалась то леса нефтяных вышек, то утренний Каспий, переизгибающийся под лучами восходящего солнца, то образ молодой козовницы, чьи тонкие руки, словно по струнам арфы, скользят по основам ковра.

Наконец, художники пошли вдоль второй стены, где висел плакат Судубы. Нужно было видеть её лицо в эту минуту!

Старый художник с коротко подстриженной бородкой, сакет откинувшись назад, став внезапно шурить по картине.

На полотне среди редких голубых облаков был изображён земной шар. На первом плане, казалось, даже, что это не шар в облачном представлении, а барельеф змеил — с морями, горами, долинами и реками... И на змеиле с своих высот, широко раскрыв свои белые крылья, спускался голубь. Вот-вот он слетит. Добрые и спокойные глаза его дулами людьми мир и счастье. Под картиной большими красными буквами было написано: «Мечты миллионов».

Старый художник с живостью обернулся назад.

— Кто рисовал?

Акиф-музалим, улыбающийся, кивнул на Судубу, которая, опустив глаза, стояла здесь же. Подходя к ней, старый художник крепко полюбил её руку:

— Спасибо! Большое спасибо! Никогда не забуду...

Проверка дипломных работ была закончена. За отсутствием Судубы спустилась в мастерскую и принесла оттуда своего голубя.

— Теперь я его отпущу, — сказала она музалиму.

— Отпусти, дочка, пусть летит, куда хочет...

Судуба подошла к окну и раскрывала ладони. Голубь ринулся в синеву неба, прочертил несколько кругов и скрылся из вида.

«Когда художники разошлись, студенты грубюю, отпавшись в мастерскую, где ещё так недавно они писали свои дипломные картины».

Что за радость ждала их здесь: любимый голубь Судубы, словно считая, что его законное место здесь, сидел на большом голубе и тихо ворковал.

Перевод с азербайджанского.

Алексей КАФАНОВ

Наследники

Помню: в детстве над гробом сарая,
Ид ясной холмой копошей
Поднимается лёгкая стая
Беспокойных моих голубей.

Проезжают к базару телеги,
И приставил ладонь козырьком,
И сморщ, как вертут красногений
Высь уходит, сверкая крылом.

Он умел это делать на диво:
Покружился немного, повис
И потом с высоты, как с обрыва,
Плавню, лодочкой, ринулся вниз.

Каждый день начинался привычной
Воркотной голубей под окном.
И воды приносил им армичной,
Копыльным кормил их зерном.

После, волосы наспех пригладив,
Две задачи решив про запас,
Кава учебники в сумку, тетради
И уверенно шествовал в класс.

Колосилось колхозное поле.
Вырастала над заводами дым.
Десять лет приучался я в школе
Быть спокойным, упорным, простым.

Но когда все испытаны средства
И слова вразумления не впрок,—
Нам отцы завещали в наследство
Ветер бровей и вёрсты дорог.

...Я унах, из последнего диска
Досматривая последний патрон.
Облака, словно голуби, низко
Возвращались из дальних сторон.

Словно голуби, быстро летели,
Как на родину только спешат.
В продырявленной чёрной шинели
Я приполз в эту ночь в месанбат.

...Репродуктор звенит позывным.
Я с утра на завод выхожу.
Новостройка в сиреневом дыме
Поднимает этаж к этажу.

Хорошо в этом солнечном мире!
И недаром поднималась чуть свет

Проживающий в пятой квартире
Голубятника двенадцати лет.

Он вихрастый, задиристый, бойкий,
И в глазах голубых торжество:
Выше ярких флажков новостройки
Беспокойная стая его.

Возле красной трубы водосточной,
На два шага от дома как раз,
Я стою, чуть прищуря свой точный,
По-солдатски наметанный глаз.

И с волнением опять наблюдаю,
До бровей опустив козырьки,

Как вертун, обгоняющий стаю,
В затяжной переходит нырок.

Он умел это делать красиво!
Покружился немного, повис
И потом с высоты, как с обрыва,
Плавню, лодочкой, лодочкой вниз.

Будет снова ракетные вёснышки,—
Небо в праздничном блеске свечей.
И поперёк будут мальчишки
По утрам выпускать голубей.

Потому что они наши дети.
Ради них мы ходили в штаны.
Ради них и сейчас на расвете
Будят нас заводские гудки.

Так свистит, мой весёлый задира,
Мы тебе оставляем в залог
Белоснежного голубя мира,
Мир широких и ясных дорог.

Михаил ГОДЕНКО

Изманы

Из цикла «Изманыские степи»

По берегу дунайскому,
Над кручами, обрывами,
Раскинуто он широкие
Сады зелёногрозные.

Белы, как кипень майская,
Дома в садах расставлены,
С верандами, крылечками
И выдвинутыми ставнями.

Прямые и уютные,
Лежат сквозные улицы,
И шелестят акации,
И тополями хмурятся.

Украшенный и скверами
И светлой колоннадой,
Бежит проспект Суворова
И в порт с разбега падает.

Он славится и всадником,
На пьедестале поставленным,
И зданием обкомовским,
И монументом Сталина.

Вдоль по проспекту
с горами
Шагает пионерия;
Идут дунайцы с песнями,
Идут, кто милам греют.

На пристяжных грохочущих,
В цехах, на элеваторе
Матросы и рабочие—
Стахановцы, новаторы.

Спешишь на слёт колхозники
(В густом загаре лица их),
Чтоб знаниями и опытом
Сегодня поделиться им.

Чтоб рассказать, как вывели
И рис и хлопкок местные—
Страда послевоенная,
Работа интересная!

А «Правда придунайская»
Уже возрастает волосом
О лучших людях города,
О славных людях области.

Дворец науки в Харькове

Сейчас корпус Харьковского государственного университета имени А. М. Горького расположены в самых различных частях города. Этому старейшему в нашей стране учебному заведению передано одно из самых крупных в городе зданий — бывший Дом проектов на площади Дзержинского.

Отступая в 1943 году из Харькова, гитлеровцы положили в частую разруху это высотное сооружение, центральная часть которого имеет 15 этажей и видна за 25 километров от города. В восстановленном здании разместятся все десять факультетов вуза.

Сейчас уже закончено проектирование восстановления учебного городка. В здании, объёмом в

200 тысяч квадратных метров, будут находиться большое количество учебных аудиторий, центральная научная библиотека, факультетские библиотеки, просторный конференц-зал, физические, химические, биологические лаборатории, множество научных кабинетов, музеев, кинозалы, комнаты отдыха, спортивные залы.

Новое университетское здание примыкает к огромному зелёному массиву, где и сейчас уже расположены университетский ботанический сад с редчайшими растениями и богато оснащённая астрономическая обсерватория. Проект предусматривает создание искусственного климата в научных лабораториях, устройство совершенной вентиляции в технических ка-

Манет восстанавливаемого здания Харьковского университета.
Фото И. Филевского

бинатах, механическую подачу книг в библиотеках, скоростные лифты, широкую сеть связи и сигнализацию.

В 1955 году Харьковскому университету исполняется 150 лет. Свой полуторавековой юбилей он будет праздновать в новом здании.

В воскресный вечер по зелёным улицам и бульварам гуляют подтянутые юноши в морской форме — воспитанники Ринского нахимовского училища.

Со всех концов Советского Союза собрались они сюда. В большинстве это дети офицеров флота и армии, партизан. Нахимовцы, помимо законченного среднего образования, получают в училище основные навыки мореходства. Они занимаются таковыми в различных кружках — морского моделирования, радио, фото, механических, посещают театры и музеи. Будущие офицеры растут культурными, всесторонне развитыми людьми.

Но особенный почёт пользуется морской спорт. Уметь плавать, грести, управлять шлюпкой под парусами обязаны все старшенасинники.

Летом воспитанники выезжают в лагеря. Плавание, гребля, парус — основное занятие нахимовцев. Младшие ходят на шестидесятилетних ялах, на айслах и под парусами, в заливе по реке Ленауге в район Ринского взморья, и с завистью смотрят на старших, которые проходят практику на учебной парусной шхуне «Лавена».

Флагман училища «Лавена» в прошлогоднюю кампанию ходил в Балтику, посетил Ленинград. Сейчас «Лавена» снова ушла в поход. Она совершит несколько рейсов, чтобы все воспитанники старших классов прошли военно-морскую практику.

— Счастливого плаванья! — машут обычно с пристани молодым морякам, отправляющимся в поход.

В училище в этом году будет уже третий выпуск.

Осенью в младший класс придут новички и с детским волнением впервые наденут морскую форму. А летом и им будут махать приветливо с пристани: — Счастливого плаванья!.

— Счастливого плаванья!.

Малышам, которые первый год в училище, интересно посмотреть на прибор, показывающий направление ветра.

С наступлением тёплых дней старшекурсники начинают тренировки на шлюпках.

Учащиеся не только заходят в море, но и проходят тренировки на шлюпках.

Письмо из дому.

В кабинете о...

Счастливого плавания!

Фото А. Моклецова

...имаются в классах и кабинетах, но и
...ируют на учебных судах.

Парад на учебном судне.

...нашения юрарблей.

На занятиях по общеобразовательным предметам.

Связать морской узел — нелёгкое дело!

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Рассказ

Девушка громко крикнула, приложив руку к губам:

— Андрей!

Ей никто не ответил. Казалось, звук её голоса глотнет, утасует в чаще цветущих яблон. Она обижено тряхнула головой и зашагала к домику садовника, черепичная крыша которого поднималась на холме над белым садом.

Она дома была распахнута, и девушка ясно услышала звон посуды и силоватый вес старого садовода Фёдора Фёдоровича. — Ежели бы из маленького колхозом был, по силам бы нам тогда такое хозяйство иметь? — весело басил старик. — Нет, брат, клычка тонка! Разве такую гидростанцию, как у нас, в маленьком колхозе построишь? Или хотя бы сад! Посмотри-те, любу-дорого! Восемьдесят гектаров! Это же, товарищ-гражданин, не шутка — восемьдесят гектаров! А? Как вы мыслите?

Девушка вошла в комнату. Как она и думала, Фёдор Фёдорович сидел за столом в кругу гостей. Среди них она узнала председателя небольшого соседнего колхоза «Восход» (через месяц — два восходных дождя были вылиты в их колхоз). «Вон почему старик так знатно хозяйство расхваливает», — подумала она, невольно усмехаясь. — А-а, привет комсомолу! — сказал старик. — Милости просим к столу.

Навстречу ей приветливо поднималась жена садовода Анастасия Петровна, дородная женщина с красным добродушным лицом. — Садись, Клавочка, — повуче сказала Анастасия Петровна. — Ты к Андрею? А он в саду, милая...

— Не видно его в саду, Анастасия Петровна, — девушка улыбнулась, стараясь скрыть досаду.

— Да разве ж в таком саду сразу заметишь? Сад-то, как лес! А ты садись, милая, он скоро придет, небось, проголодался. С утра как ушёл, так и нет... Пообедай с нами, Клавочка, а он и пойдёт как раз.

— Спасибо, Анастасия Петровна, я уже обедала. Да мне и не холода, я на минуточку только...

Она снова вышла в сад. Отсюда, с холма, он был виден весь, и Клава завлабовалась бесконечными белыми рядами цветущих

деревьев. Далеко-далеко в сизовой дымке голубела река, пере-хваченная, словно поясом, каменной плотной. Рядом высилась здание гидростанции, правее вытягивались молодые камыши, а ещё дальше, за рекой, в зелёном тумане распустившихся деревьев розовели черепичные крыши села.

Клава переходила с аллеи на аллею, прислушиваясь к бархатному гудению пчёл.

Ей вдруг захотелось плакать от обиды. Всё! Больше она никогда не придет в этот сад, как бы Андрей ни просил её об этом... Посушенная губы, она быстро шла по аллее вниз к реке. Странные отношения установились у неё с Андреем. Вот уже почти целый год они встречаются в этом саду, и всякий раз его приходится искать. В каждый свободный день она приходит сюда, надевает для него лучшее платье, а он выходит на свидание с засученными рукавами, со садовыми землёй на коленях, и руки у него от земли всегда чёрные. Даже на лице у него бывает земля. «Копается в земле, как жук», — сказала она шёпотом. Все в колхозе давно считают их женихом и невестой, а он только и говорит, что о деревьях, о прививках да о том, как надо бороться с гусеницами.

— Жук! — шептала Клава, ускоряя шаг. — Даже в выходной день со своими гусеницами возится...

Но, как бывало раньше, так и на этот раз, она всё-таки встретилась с Андреем. Он высочинил из-за деревьев, коренастый и чутко неулавляемый, с засученными рукавами, с большими садовыми ножницами в руке.

— Клава! — голос у него был такой, как будто он очень удивлён, что видит её.

Она не повернула к нему лица, но почувствовала, как где-то возле сердца стало очень горячо.

— Клава!

Девушка, не останавливаясь, проговорила:

— Я уже двадцать лет Клава, — и сразу пожалела, что сказала это: слова были совсем не те, которые хотелось сказать.

Андрей сделал вид, что обиделся, и пошёл в другую сторону. Тогда она остановилась и негромко позвала:

— Андрей!

Он быстро повернулся, смеясь:

— Я уже двадцать три года Андрей!

Клава тоже рассмеялась и сказала:

— Бесесловный, я уже два часа по саду хожу!

Андрей растерянно потрогал ладонью потный лоб.

— Лимоны в орышкоре запекаю... Хочешь, покажу?

Клава помедлила и вышла из его рук ножницы.

— Потом... Мне теперь уже некогда, Андрюша. Нужно маме кое-что по дому помочь... А ты приходи вечером в Дом культуры. Там сегодня танцы... — она позвонила ножницами.

Он не ответил. Набежала ветерок, нежно затрепетали цветы, и белые яблони чуть качнулись, словно вздохнули. Клава по-жила.

— Что это, вроде похлодало? Правда? Смотри, у меня даже гусиния кожа на руках появилась... Так ты придёшь танцевать, Андрюша?

Он помедлила.

— Не знаю... Погода, понимаешь, мне не нравится.

— При чём тут погода, Андрюша? — у неё дрогнули губы. — Скажи, не хочешь просто, и всё тут...

— Да нет же, Клава! — быстро и почти испуганно сказал Андрей. — Но ведь дело-то важное.

— Ты меня не агитируй. Дела у всех важные, но все и работают и веселятся, а ты... как жук, в земле закопался!

— Да я же не против, Клава, только вот погода. Вдруг заморозок! — Он обвёл глазами цветущие деревья и улыбнулся. — Ты посмотри, сколько яблук бродят Тонни!

— Ты придёшь в Дом культуры?

Андрей нахмурился.

— Я танцую плохо.

— Что жё, ты была в техникуме и не выучилась?

— Я не танцевать учиться сидла, а делу...

— Знаю, знаю... Потомственный садовод!

— А ты не смеяйся!

— Да я и не смеюсь. Приходи, Андрюша.

Он вылезло покраснел и спросил скупидно:

— А ты не будешь танцевать... с другими?

Клава почувствовала, как радостно отозвалась в её груди эта маленькая ревность. Однако ответила она с лукавой усмешкой:

— Может, и не буду... Приходи...

...Но он не пришел. Духовой оркестр сыграл несколько танцев, а она всё сидела, украдкой поглядывая в окно и накручивая на руку кончик косы. Из окна была видна пустынная улица, над которой торжественно пылала в вышине серебряная луна. Распугавшиеся липы бросали на дорогу решётчатые тени, и Клава всё время казалось, что в сумраке мелькает фигура Андрея.

В зале было шумно и весело. Из соседнего колхоза «Восход» пришла гурьба парней и девушек. Клаву несколько раз приглашали, но она молча качала головой и не отходила от окна.

В перерыв оркестр заиграл «Летят пореявшие птицы», девушки подхватывали песню, и Клава стало совсем грустно. Как много сегодня она хотела сказать Андрею! Но ему, должно быть, совсем неинтересно слушать её. В горле у неё защемило. Оркестр снова заиграл вальс, и к ней подошёл высокий красивый парень из «Восхода». — Вот и пойдём! — подумала она. — Вот и пойдём, Клава...

Её партнёр танцевал хорошо, она быстро закружилась с ним, поглядывая украдкой на дверь. И вдруг увидела Андрея.

«Пусть, пусть сморит!» — думала она, с удивлением замечая, что Андрей даже не переоделся и явился в Дом культуры в рабочем костюме. Она сблизилась с такта, наблюдая за ним. Задевая танцующих, Андрей пробрался на сцену и помаялся обеими руками оркестру. Трубы загудели вразброд и смолкли.

— Тите! — неожиданно для себя крикнула Клава, хотя в зале и без того уже стало совсем тихо.

— Товарищи! — вызванноно заговорил Андрей. — Сейчас передавал по радио сводку погоды. С севера неожиданно идёт похолодание, оно уже распространяется на нашу область. К утру возможны заморозки. Надо зажигать в саду костры... Я прошу всех членов садовой бригады, кто здесь есть, и всех вас, товарищи! Можем не успеть. Ведь восьмидесять гектаров!

До самого утра Клава больше не видела Андрея. Это была спокойная ночь. По тихой улице, по белой плетине, у которой в синении брызг шумела и колкотала вода, все торопились в сад.

В саду кое-где уже дымилась костры...

В растянувшейся толпе она видела восходских парней и девушек, и ей вдруг стало легко и очень весело.

— Скорей, скорей, ребята! — высоко и задорно крикнула она и побежала. Следом за ней побежали остальные.

В саду костры уже дымилась костры, маялись тёмные силуэты людей. Среди них Клава сразу узнала Фёдора Фёдоровича, необычайно подвижную для своей полноты Анастасию Петровну и председателя колхоза «Восход».

— Давай, давай, комсомо! — гремел бас старого садовода. — От-тонь хор-рошо!.. Только осторожнее, ребятки, не ломать веток!

Огромный белый сад, залитый светом луны, наполнился движением и огнями. В прохладном воздухе пахло цветами и дымом. Всё казалось особенным, не таким, как всегда: и белые громады цветущих деревьев, и убегающие огоньки костров между столами, и тёмные фигуры парней и девушек, и далёкие тревожные голоса.

— Стёпа-а, спички дай, спички! — задыхаясь, кричала молодая девичья голос.

— Девочки, подожгите топлива на эту аллею!

— Скорей, девочки!

Клава, пробравшаяся между столами с оханкой хвороста, споткнулась и упала. Её подержала чья-то сильная рука. Девушка подняла глаза и узнала высокого парня, с которым танцевала в Доме культуры.

— Стёпочка, дай же спички! — продолжал где-то звучать голос.

— Не надо мне помогать! — сердито сказала Клава, вскакивая на ноги. — Дайте ей спички. Ну, скорей же!

Она снова побежала и вдруг вспомнила улыбку и слова Андрея: «Сколько яблоч будет! Тонина!»

Костры разгорались всё ярче и ярче, тёмные силуэты сходились и расходились на дымных аллеях. Было жарко, и хотелось пить. Но пить было некогда.

На рассвете она столкнулась с тёмным от копоти Андреем.

— Клава! — растерянно сказала она. — Платье-то твоё совсем чёрное...

— Ничего, постираю... Ну, как, не замёрзнет сад, Андрюша?

— Нет, всё в порядке... — он вдруг запнулся, увидев её глаза, уставшие от бессонной ночи, но полные такого внутреннего света, что от них, казалось, исходило сияние.

— Клава! — тихо сказала она. — Какая ты... красивая!

— Нет, нет, — быстро заговорила она. — Э-э-э... ты красивый, Андрюша! Я только сегодня поняла, какой ты... красивый!

Он нерешительно взял её за руку. Они стояли лицом к лицу и молчали. Каубы дыма пылали над их головами.

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН

Национальная русская школа живописи является предметом законной патристической гордости советского человека. В истории мирового искусства прославленным русским мастерам принадлежит большое и почетное место.

Наши художники, подобно нашим писателям, дали правдивое и глубокое отражение русской народной жизни, они видели в своем творчестве общественный долг, стремились все силы свои отдать служению России, ее благу, процветанию и прогрессу. Передовые русские художники горячо ненавидели самодержавно-крепостнический и капиталистический гнет, тяготевший над народом, и их произведения часто становились могучим оружием в борьбе за демократическое переустройство страны, за свободу. В этом великая сила творчества классиков русской реалистической живописи.

В славной плеяде наших художников первое место по праву принадлежит Илье Ефимовичу Репину, замечательному мастеру-реалисту, в творчестве которого с необыкновенной яркостью и полнотой отразилась целая эпоха русской жизни. Товарищ И. В. Сталин назвал имя Репина в числе тех, кто составляет честь и гордость русского народа.

Восцвет творчества Репина приходится на 70—90-е годы прошлого века и неразрывно связан с тем могучим освободительным движением, которое, поднимаясь из глубочайших недл завлаженного неужд и бесправием русского крестьянства, питало ум и чувства лучших людей той эпохи: Чернышевский и Некрасов, Толстой и Мусоргский, Салтыков-Щедрин и Репин.

Уже по своему происхождению Репин был плотью и костью от кости русского народа. Он родился в 1844 году в семье военного поселенца (то есть крестьянина, насильно водворенного в так называемые «военные поселения») в украинском городке Чугуеве. С детства у будущего художника обнаружилось способности к живописи, но трудно было тогда «простоплюху» пробить дорогу своему таланту. Много чужды и чужды пришлось испытать Репину, прежде чем он добился поступления в Академию художеств в Петербурге.

Общественная и художественная жизнь ключом била тогда в Петербурге. Демократическая мысль смело поднимала свой голос против самодержавия и угнетения народа. В самой Академии художеств, бывшей тогда цитаделью оторванного от жизни официального дворянского искусства, за год это произошло: тридцать лет царил академизм, живописец в знак протеста против господствующей в ней рутинной демонстративно покинул ее стены. Во главе этих тридцатидесяти стоял художник И. И. Крамской, вскоре ставший другом и наставником Репина, направлявший его талант на путь реализма и народности. И молодой художник со всей страстностью обратился к жизни, к правде, к справедливости.

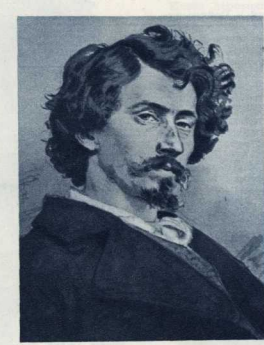
Уже первая большая самостоятельная картина Репина — «Бурлака» на Волге (1870—1873 годы) была крупнейшим событием в русской живописи. Развивая традиции художников-демократов старшего поколения — Перова, Крамского, — Репин с суровой правдивостью показал типичную картину российской действительности того времени. Впрягшись в ямку, взвешивая от жары и усталости, тянут такую грузную барку бурлаки. Гениным протестом против превращения людей во вьючных животных проникнуто это произведение. Его образ перекликается с образами стихов Некрасова:

Видь на Волгу: нет стон разделяет
Над великою русской рекой?

Но Репин, как и Некрасов, далек от того, чтобы просто питать чувство жалости по

поводу горькой доли русского крестьянства. Достаточно взглянуть на лицо ведущего бурлака — человека со лбом философа, как называл его сам художник, — чтобы почувствовать, как умел великий мастер увидеть в этих униженных тяжким бременем людей большую внутреннюю силу, чувство собственного достоинства. Репину открылся русский народ не только как народ угнетенный и забытый, но как народ, таивший в себе великие возможности, народа, которому принадлежит будущее.

Эта картина сразу выдвинула художника в первые ряды мастеров прогрессивного, реали-

И. Е. Репин.
Автопортрет (1878).

стического направления в русском искусстве. Вскоре он примкнул к передовой группе художников-демократов, так называемым «передвижникам», объединившимся в 1871 году для того, чтобы продвигать своё близкое и понятное народу искусство в широкие массы. Вдохновителем и пропагандистом этого направления был замечательный критик Владимир Васильевич Ситов, беззаветно борющийся за правду жизни в искусстве и на протяжении целых десятилетий поддерживавший, одобрявший и утешавший двух таких гениев русского искусства, как Репин и Мусоргский. Репин запечатлел образ своего друга и наставника в ряде чудесных портретов, в которых глядит нам в глаза и вдохновленное лицо пламенного трибуна русского национального искусства.

С конца 70-х годов репинское творчество достигает своего зенита. Необыкновенная широта охвата жизни, смелая мысль, удивительный по горечей яркости живописи — всё это делало картину великого художника замечательным шедевром реалистического мастерства. Нет такой важной стороны действительности, мимо которой прошёл бы Репин; нет такого рода живописи, в которой он не испробовал бы и всегда с блеском — своим стилем. Жизнь русского крестьянства запечатлена им в ряде полотен и прежде всего в законченном в 1883 году большом полотне «Крестный ход в Курской губернии». Эту репинскую картину по праву называют «эпикопопедией русской жизни». Смелое обличение «наивности и грубого самодовольства «сыльных мира сего» — помещиков, купцов, кулаков — сочетается здесь с восторженным изображением могучей силы народа, пусть ещё во многом ослабленного и

заблуждающегося, но способного творить чудеса.

Пенсум русского народа можно назвать Репина. Он горячо любил народ и верил в него, в его бесмертное самолюбие. Обращаясь к истории, он нашёл сюжет, который помог ему создать замечательный образ свободного, исполненного силами народа. Волосы лет работы художника над этой картиной и создал несколько вариантов, один из которых находится в Третьяковской галерее в Москве. «Знаменитый ищущий письмо турецкому султану» называется эта картина. Сколько могучего восторга, горячего жеманства в образах этих людей, отвечающих гордой насмешкой на требование турецкого султана подчиниться его власти! Глядя на этих богатырей, так ярко ощущаешь неустойчивость решимости русских людей дать отпор любому поработителю! Народ — вот подлинный герой этого замечательного репинского полотна!

Любовь к народу сделала Репина особенно чутким к тем людям, которые в ту эпоху смело выходили на неравную борьбу с самодержавием. Образом русского революционера, отдающего все силы освобождению России, посвятил художник целую серию своих произведений. Среди них первое место принадлежит картине «Не жалуй», в которой изображено неожиданное возвращение политического ссыльного в родную семью. Картина прозвучала тогда — в 1884 году — как высокое моральное оправдание революционному, пожертвовавшему личным счастьем, семьей ради народного дела. В скромную комнату, где много солнца, воздуха и света, входит он, ещё тревожащийся, поняли ли его родные. А навстречу ему поминается старуха-мать, радостно восторженно жеманя: он найдёт здесь поддержку и понимание!

Передовым людям России посвятил Репин и своё замечательное мастерство портретиста. Бывали случаи, когда он с негодованием отвергал предложение писать портреты реакционных деятелей. Но с каким горячим вдохновением, с какой силой характеристик, с какой жизненной яркостью писал он тех, в ком видел славу и гордость русской культуры, — Толстого, Мусоргского, Пирогова, Стасова, артистку Стрельцову, основателя Третьяковской галереи П. М. Третьякова, писателя Гаршина и Тургенева. Учен с исключительной остротой глаза схватить все мельчайшие черточки в облике своих моделей, Репин всегда одновременно улавливал и передавал в портретах внутреннее содержание человека, сильный ум, большое сердце, яркую характерность. Невозможно в краткой статье даже перечислить все бесмертные создания пламенной репинской кисти. Многие и многие произведения Репина стали любимыми картинами нашего народа. Весь свой великий талант отдал художник народу, и народ награждал его большой и горечей любовью.

Трагически сложились последние годы жизни художника. На склоне дней своих поселился он на даче в Куоккала. Местечко это после Великой Октябрьской социалистической революции оказалось на территории буржуазной Финляндии. Старый художник остался вдали от родимых, от друзей, от своего народа. Он по-прежнему вернулся в Россию, его не пустили. Это не могло не сказаться пагубно на его искусстве, и Репин угас, скончавшись в 1930 году.

Великий художник, как сказочный Антей, черпал свои силы, припадая к матери-земле. Такой матерью для художника является отчизна, родной народ. Связанный с ним, питающийся его соками, он становится великим, как стал великим замечательный русский художник Илья Ефимович Репин.

Г. НЕДОШВИН,
кандидат искусствоведческих наук

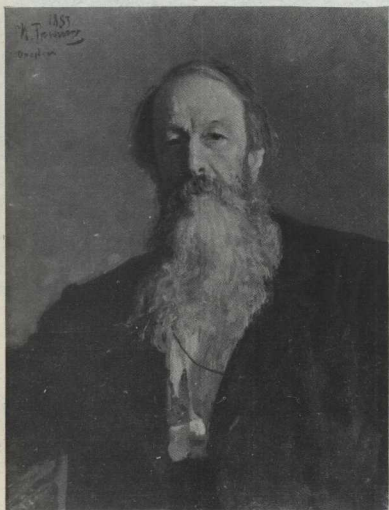
И. Репин

Не ждали.

И. Репин.

Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану.

И. Репин.

Портрет В. В. Стасова.

Деталь картины И. Репина «Бурлаки на Волге»: бурлак Канын.

С ОЛЕНЬИМИ СТАДАМИ

В тундре лето. Обнаженные вершины невысоких холмов с пропавшими к солнцу упрямыми кустиками серо-белого ягельника, песны поменяли свой белый наряд на порывистую короткую шкуру, прилетели птицы...

Солнце не покидает неба и поливает теплом землю, сотнями алмазных осколков отражаясь в воде. Снег стоял, тундра покрывалась нарядной, яркой оленьей скатертью. В редких кустах слышались птичий передел, чинга в воздухе появляется стремительная белокрылая полярная цапля — халей — вестника разлившейся Оби.

Тасканные олени стада передвигаются на северо-запад, к Уральским горам. Вместе с оленьими стадами путешествует и Красный чум, где массовым комсомольцем-ханта Александр Таругута.

Красный чум часто называют передающим Домом культуры. Радио-приемник и библиотечка, гармонь и пачка газет, фотовыставка и пособие по оленеводству — всё это можно найти в Красном чуме. Массовик, фельдшер, зоотехник всю весну и лето проводят вместе с оленеводами в далекой приморской тундре или в горах Урала.

Ехать на оленях тундра далеко не просто. Снег нет и в помине, а транспорт тот же — узкие нарты. Нелегко оленям тянуть их по траве или по болоту. Всего около десяти километров проходит за сутки стадо. Да и покляжу на нарты можно класть только небольшую.

А груз у Крайнего упрямый. Чтобы перевести его, нужен целый день: всё имущество едва уместится на семнадцати нартах. Тут и библиотечка с четырьмястами книг и брошюр, и радиоприемник, и патефон, и аптечка. На другие нарты погружены шесты от чума, доски для пола, лампы. Специальные нарты загружены продуктами — по нарте на человека. Шутка ли, на полгода снаряжаются люди в тундру!

Красный чум всегда идет с каким-нибудь колхозным стадом. На этот раз с ним было стадо национальной сельхозартели имени Сталина. Тысячи оленей медленно двигались по тундре, поедая сочную траву, лишайники, акрутные брусничные листья, терпкую, похожую на шафал северную кислянку, обгладывая кустарники. От ягеля в эти раздолбные дни они отворачиваются: летом ягельник ели больше сохнел, становится слишком сухим и жестким.

Таругута сидел на нартах, время от времени погоняя оленей хором — длинной, в полтора человеческих роста, палкой с коистым набалдашником на конце. Лучи солнца сделали совсем коричневым его и без того смуглое лицо.

К вечеру стадо подошло наконец к подножию Уральских гор. Селе громады камней, будто потеряв точку опоры, нависли сверху. Казалось, невозможно разобраться в этом буреломе камня. Но зоркий глаз оленевода легко находил здесь изомженные тропинки, горные пути, по которым пройдет не один человек, не один олень, — тысячи стада с нартами и поклажей.

Но пора отдохнуть, дождаться остальных оленеводов. Привал. Не зря Красный чум едет с головным стадом. Следом за ним поближе движутся и другие стада. И не пройдут оленеводы мимо тощего приморского Красного чума.

Пастухи распрягают оленей. Таругута и фельдшер Терентьев ставят чум, аккуратно выкладывают столочки книг, фельдшер Конов устанавливает антенну радиоприемника. На жаркой печке уже хлопочет большой медный чайник. Вскоре к Красному чуму начнут съезжаться оленеводы. Старики любят послушать радио, побеседовать, почитать газету. Молодежь — то больше оленевода патефона собирается, песни поет. Немало народа приезжает в кружок ликбеза. Даже старик, чей век давно уже перевалил за шестой десяток лет, старательно учится грамоте.

Бывает работа и у фельдшера. Только редко. Мало болеет оленеводы. «Дей много, болеть некогда», — шутит знающий бригадир колхоза-миллионера «Путь Ленина» депутат Ямало-ненецкого окрестка Андрей Васильевич Лантандер.

Вот и дедки на помине Андрей Васильевич. Негорлопный, уверенный в себе, он отводит в сторону нарты, привязывает к ним оленей: так они далеко не уйдут — и степенно здороваются со всеми.

— Какую книжку будешь читать сегодня, Таругута? Слушать тебя приехал.

Таругута удостоив внимание Лантандера. Он ведь годится в сыновья знатому бригадиру. Уж если Лантандер Александар уважает, — значит, есть за что уважать.

— «Повесть о настоящем человеке», Андрей Васильевич.

— Дело доброе. Подождешь еще людей однако.

А люди все подтягиваются. Сегодня день торжественный — стада вступают в Уральские горы. Как тут и завернуть в Красный чум, не выкурить с соседями две — три трубки, не выпить пару стаканов крепкого кирпичного настоя, чаю, не посоветоваться о дальнейшем пути.

Лихо остановил нарты у самого чума молодой говорливый пастух-ханты из колхоза «Советский Север» Леонид Русменко; вместе приехали соседи — пастухи: ханты Кирилл Тирлин и коми Егор Конов;

вслед за ними на четверке оленей подъехала чумработница комсомолка-ханты Парасковья Тарасова. Позже других оказался бригадир колхозного стада «Елан Юш» коми Павел Григорьевич Рочев: он успел перед отъездом проверить, как караулят оленей дежурные пастухи. Неплохо караулят. Со спокойным сердцем можно путь держать.

Последним приехал заведующий оленеводческой фермой колхоза «Черный путь» Сергей Васильевич Лопотов.

Таругута читал по-русски и тут же переводил на хантыйский язык. Мужество советского воина покорило слушателей. Охлял за другим поднимался со шкур пастухи и принимался к кружку. Через полчаса все обитатели чума с напряженным слушали Сашу. Наверное, читал Таругута всю ночь — всю ночь слушали бы его пастухи: старые и молодые, ханты и коми, грамотные, кто сами уже прочли не одну книгу, и те, которые едва ставят на бумаге свою «вош-лас» — значок, заменяющий подпись.

Но, дочитав до конца главы, Таругута захлопнул книгу:

— На сегодня хватит. В следующий раз продолжим...

Включил приемник. Он затрещал, будто откачался. Затем послышался голос диктора: «Говорит Москва! Передаем беседу о великих стройках коммунизма».

— Москва! — восторженно повторил Таругута.

Диктор говорил о гигантских новостройках на Волге и Днестре, о каналах, которые пересекут бесплодные степи. И хотя не был в Туркмении никто из пастухов, он видел раздолбную Волгу на седой Гавриил Петрович, ни совсем юный Ванюша, — слушали все, как слушают вести из родного столбца.

Когда по радио послушали еще и последние известия и концерт из Колхозного стада Дома союзов, Конов, экономя pitanie, выключил приемник. Яков Михайлович рассказал о Москве, где он, в прошлом простой оленевод-коми, учился на курсах, о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, о Мавзолее Ленина, о Красной площади, на которой Конов видел лучшего друга народа Севера — Сталина.

Кирилл Тирлин зашвырнул воздуховод:

— Похвать бы на строительств!

— А разве здесь ты бы на строительств работавеш? Морозы там зимой толще злые, ветры хлесткие. Может быть, из тех шкур, что мы государству сдаем, строителям меховую одежду сошьют. Значит, у нас можно для новостроек работавеш! — с горячностью убеждал товарища Таругута.

— Твоя правда, — ответил, подумав, Тирлин. — А раз так, должен я еще лучше работать. Дам в этом году от нашего стада на пятьдесят оленей приплоду больше, чем по плану колхозному.

— И мое слово такое, — добавил Русменко.

Вслед за ними и остальные молодые пастухи стали брать новые обязательства. Таругута записывал их.

— Я охотню проверю, — серьезно сказал он, — у кого слово крепкое, как железо, а у кого — снега мягче.

— У всех крепкое, — обещали Таругута.

Настало время развешивать. Завтра стада входят в Уральские горы. Еще раз уточнены маршруты копей, места стоянок. Попрошались. Долго еще виднелся след зеленой тундры белые пятна оленей упряжек.

Время было уже ночное. Но круглоустый полярный день уверенно господствовал над тундрой. Яркое солнце медленно переваливало с востока на запад, а потом, не уходя на покой, отпирывалось назад вдоль линии горизонта. И всюду на его пути туманье, синева, полосы дали озорались ласковым жигитовым синим, излучая его на околонуноную, разнухоженную свету тенью землю.

А травы и кустарники суровой тундры, измочаленные турями, прижатые к почве морозами, помпые жестким снежным настом, в эти благодатные дни расправляли свои листья, тянулись навстречу солнцу.

Проводив гостей, Конов и Таругута снова взялись за работу. Они достали чернила, разноцветные карандаши, несколько «Боевых листов». Старательно выводил яркие буквы заголовков, подбегу думая над текстами заметок. Таругута писал о сегодняшних обязательствах оленеводов, ставших на трудовую вахту в честь сталинских новостроек, переписывал в газету советы зоотехника и опытного бригадира Лантандера об уходе за стадом в горных условиях.

Наутро, взяв с собой «Боевые листки» и несколько книжек, заведующий Красным чумом, массовик и фельдшер развешались в дальние стада. От стада к стаду, от бригады к бригаде двигались они с оленеводами по долгим горным рек.

Солнце припекло все сильнее. Олени, не привыкшие к жару, все чаще покидали горные долины и поднимались к вершинам, где лежал, не тая, снег. Ближко был последний перевал.

Стада уходили на западный склон Урала.

Ямало-ненецкий национальный округ.
Томская область.

Конференция молодежи трех стран — Польши, Чехословакии и Германской демократической республики — в Либереце. На снимке: чехословацкая и немецкая девушки обмениваются значками своих молодежных организаций.

На праздник молодости и дружбы

Близится день, когда под торжественные звуки Гимна демократической молодежи откроется 3-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов в защиту мира и на весь мир прозвучат боевые, призывные слова:

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живём.
В эти грозные годы
Мы за счастье боремся идём...

Завершается невиданная по своему размаху кампания подготовки к фестивалю. В течение нескольких месяцев проводилась она во всех странах. Молодёжь готовила разнообразные художественные программы, выставки, спортивные выступления. Подготовка к фестивалю превратилась в мощную демонстрацию моло-

дого поколения в защиту мира. Новыми успехами в борьбе против зачинщиков войны, миллионами подписей под Обращением о заключении Пакта Мира встречает молодость мира свой международный сáет.

Послания борющейся молодёжи Вьетнама вышли в далёкий путь за несколько недель до начала фестиваля. Тысячи километров, непроходимые тропические леса, вражеские засады — ничто не помешает им прибыть на всемирный праздник молодёжи. Юные герои сражающейся Кореи, для которых сегодня нет ничего важнее защиты родины, тоже поехали на фестиваль своих лучших товарищей. Передав ещё не остывшее оружие в надёжные руки боевых друзей, делегаты Кореи отправляются на фестиваль с твёрдой решимостью

привезть всех честных людей земного шара к защите мира. На фестивале встретятся американский юноша и корейский солдат, воин из Вьетнама и французский докер, английский студент и юный малайский партизан.

Одна из ведущих молодёжных организаций Индии, Всендийская студенческая федерация, направляет в Берлин 150 юношей и девушек. Это значит, что многие тысячи простых людей Индии, зачастую не имеющие куска хлеба, добровольно отдают часть своих скудных средств, чтобы их посланцы посетили на фестивале. Это значит, что любой из этих юношей и девушек может подвергнуться самым жестоким репрессиям. Передавая молодёжь всех стран знает 11-летнего Дин Лингя, приговорённого индийским правительством к 40 годам тюрьмы только за то, что он произнёс слова в защиту мира среди своих друзей. Но никакие угрозы и опасности не могут остановить молодёжь, убеждённую в правоте дела мира.

Борьба за мир считается преступлением и в Англии. И там сторонники мира преследуют, чинят им всеческие препятствия. Каждый молодой рабочий, идущий на фестиваль, рискует потерять работу.

Но несмотря на все трудности, Союз шотландской молодёжи и студентов — одна из многих молодёжных организаций Англии, поддерживающих фестиваль, — посылает в Берлин более 400 своих представителей. В городах и селах, на шахтах и судах, верфях, на заводах и школах — всюду писались добровольные пожертвования на поездку делегатов в Берлин. Жители посёлка Камбулелл решили послать на фестиваль пятерых шахтёров; средства для этого собирались всем посёлком. Молодые рабочие сталелитейного завода в Глазго совместно с учениками двух механических заводов послали

В честь фестиваля юноши и девушки Германской демократической республики сдают экзамены на значок «За хорошие знания», учреждённый Союзом свободной немецкой молодёжи.

в Берлин трёх человек. В составе делегации шотландской молодёжи представляли 10-тысячного коллектива рабочих верфи Клайдбау, завода Роллс-Ройс, религиозных молодёжных организаций, молодые спортсмены.

На прошлом Международном фестивале молодёжи в Будапеште делегация финской молодёжи состояла всего из 45 человек. На фестиваль в Берлин едет тысяча финских юношей и девушек. Молодёжь различных предприятий оставалась после окончания рабочего дня на сверхурочную работу и дополнительный заработок отдавала для поездки своих товарищей на всемирный слёт в Берлине. Многие юноши и девушки выезжали работать в деревни и все заработанные деньги также вносили в фонд фестиваля.

Союз демократической молодёжи Финляндии провёл национальную лотерею, новоявленную фонд фестиваля, а Национальный подготовительный комитет арендовал для всей делегации специальный пароход, чтобы сократить расходы на поездку.

Замечательным выражением искренней воли молодёжи к миру будет праздник молодости и дружбы в Берлине.

В. НИКОЛАЕВ

Митинг протеста против реинтеграции Германии в Копенгагене. Демонстранты несут плакаты: «Мы протестуем против вооружения Западной Германии», «Не будем воевать ради Круппа».

Соседи

Юмористический рассказ

Значит, так, Ленокча,— сказала Анастасия Ивановна.— На кухне радоваться мука, сахар по вкусу, немного соли, соды чуть-чуть, одно яйцо—и печёте. Получите блинчики. Затем можете в них завертывать... Вы что завертывать будете?

— Вот варенье...
— Клоуновое... — Анастасия Ивановна поморщилась.— Погодите, Ленокча, я вам из неприкосновенного запаса вишнёвого дам.— И Анастасия Ивановна вышла из кухни.

— Что, Ленок, жениха ждёшь?— спросил Николай Семёныч, муж Анастасии Ивановны, бухгалтер с завода, где работает Лена.
— Ну что вы, правда, всё жених, жених! Никакой он не жених. Просто по общественной линии.

— Жених,— убеждённо повторил Николай Семёныч.— Раз блинчики,— значит, жених. Ты вот, Ленок, меня послушай: соли не жалей. Я, помню, в женихах ходил, так меня моя всё недосаливала корытца. Дай-ка тесто попробую, я тебе сразу скажу.
Ленок, Семёныч, подняв глаза к потолку, почмокал губами и изрёк:

— Преснятина. Смело съешь три, даже четыре ложки соли, я не боюсь, я отвечаю!— Он снова попробовал тесто.— Ещё одну ложку—и норма.— Бухгалтер ушёл, захватив заспиченный чашник.
— Вот, Ленокча, вам вишнёвое,— сказала, возвращаясь, Анастасия Ивановна.— Без косточек. А своё кленовое припрятать. Им можно кормить мужа, а жениха только отупителе.

— Опять вы — женик! — попробовала возразить Ленокча.— Просто по общественной линии.

— Хорошо, не будем дискутировать. Мы сейчас с Николаем Семёнычем уходим в кино. Кто-нибудь зайдёт, вы скажете. Да! Чуть не забыла! Я обычно кладу в тесто совсем немного вот этого.— Анастасия Ивановна достала с полки железную коробку из-под чая.— Но это из любви к тебе, Николай Семёныч, мы опаздываем уже.

Хлопнула входная дверь, и Лена осталась одна в квартире.

Жила она в новой комнате в новом заводском доме на новой улице. Улица так и называлась: «Новая».

Юра сюда должен был прийти в первый раз. И не просто так, чай пить, а делать стеногазету. А блинчики она жарит потому, что надо же чем-нибудь человека угостить... Сколько же сыпать этого порошка «на любителя»? Можно одну ложку, а можно и три... Чтобы не ошибиться, Лена выпаладе.

Блинчики получились необыкновенно красивые.

Когда комната была прибрана и блинчики заняли место на середине стола, она решила попробовать один блинчик, который всё равно не умещался на блюде и только портил узор. Лена откус-

ла и даже присела на стул от неосидимости...

Поняла она только одно: блинчики несдобные...

В передней позвонила. Юра! Лена сунула тарелку на подоконник, наярива её салфеткой и бросилась открывать дверь. Прямо с порога Юра заговорил о делах:

— В кузнечном цехе газету сегодня вывесили, я смотрел. Длинная, на трёх листах, во всю стену. У нас стена длиннее — мы на четырёх листах.

— А заметок у нас хватит?— спросила Лена и подумала, что к чаю в крайнем случае придётся подать кленовое варенье.

— Должно хватить. Я ещё сам три напишу. Останется пустое место — пятами зарисую: весна ведь.

Четыре листа на столе не уместились, и газету растелили на полу.

Юра, стоя на коленях, выводил название. Яркие буквы состояли из вынток и колёсочек. Это должно было означать, что их завод выпускает сельскохозяйственные машины.

Юра, стоя на коленях, выводил название газеты...

Пока Лене нечего было делать. Она сидела, свесив ноги, на столе, смотрела сверху на юрия за работой и думала: «Почему он со мной всегда разговаривает только по общественной линии? Один раз, правда, был разговор про любовь, но то про Вальку Борз и Серёжу Тюленина...»

— Ленокча...
«Подумаешь! Могу бы просто сказать: Лена...»

— Ну, что?

— Майж заметки клею. Нет, юмор не майж, юмор в конце. Сначала вот эту, длинную.

Клеяли они заметки в четыре руки, стоя на коленях друг против друга. И вихор на юриной макушке прыгал у лениной шеи.

«Сейчас поцелует,— подумала Лена и закрыла глаза,— тогда я его сразу провоюю...»

Но Юра вдруг встал и сказал: «Покурить бы сейчас»,— хотя Лена точно знала, что он не курит.

Потом Юра рисовал карикатуры, а она снова глядела на его вихор и думала: «И чего это всё подруги говорят: самостоятельный. Совсем он не самостоятельный. Может, конечно, в цехе и по общественной линии он и первый. А вот для семейной жизни... Нет... Совсем не самостоятельный...»

— Берись с той стороны, Ленокча. Приложим к стене, погасим.

Газета получилась такая длинная, что, глядя сбоку, ни Юра, ни Лена не могли её горизонтально разглядеть и слова положили на пол.

Рисунок Г. Вальска

пожалуйста! — тоже, нашла как сказать! Конечно уйдёт...»

— Куда это, Ленокча, твоё око выскочит?

— На реку. А там дальше завод, а дальше стройка. А совсем далеко, где музыка,— парк.

Теперь они стояли рядом, совсем рядом, и смотрели далеко в ночь в раскрытое окно. И было непонятно, где кончатся огни их города и где начнутся звёзды. Они долго молчали, а потом Юра сказал:

— Вот я сегодня опять про любовь думал...

«Если сейчас про нас скажет, я его провоюю...»

— Вот Серёжа Тюленин сразу полюбов Вальку или сначала дружил, а уж потом полюбовал? Лена не ответила.

Они помолчали опять.

«Ну, наверно, высказал уже,— сказала Юра и, поворачиваясь к газете, чуть было не слибс с подоконника тарелку...»

Они подхватили её на лету. Салфетка упала.

— Ох ты! Чуть не загубил все твои блины.

«Бё равно неудачные,— почти равнодушно сказала Лена.— Вот сама готовила напелх, и кажется, не получилось. Хочешь, попробуй...» «Хоть бы не пробовал, хоть бы не пробовал!...»

«Вообще-то и есть не хочу,— сказала Юра,— только если для пробы...» — И, пожавая, проглотила один блинчик.— Сама пекла?

Лена смотрела в сторону.

— Сама...

— Вполне приличные. Я даже могу ещё один съесть.

— Я тогда чайник поставлю... И Лена побежала на кухню.

Чай они пили долго. Юра ел блинчики и хвалил.

«Наверное, мне попался только один такой горький,— думала Лена,— а остальные хорошие... Но попробовать сама не решилась...»

Вернувшись из кино соседа, и Николай Семёныч заглянул в комнату Лены.

— Ну, как, «общественники»? Ого! Вот это газетка! Не газета, а простыня целая. А Юрий Михайлович оценил блинчик! Моя консультация! Снимаю пробу!

Николай Семёныч откусил блинчик, перестал улыбаться и молча вышел.

— Очень вкусно,— сказала Юра. Он допил чай, свернул газету, поспешел ещё немного, попорочился и ушёл.

«Нет, конечно, я для него ничего. Так... Просто общественная работа. Ну, и не надо... Подумаешь!..» Лена взяла с тарелки последний блинчик и положила его в рот...

И тут она поняла, что Юра её любит! И не просто, а очень! Очень!

Во рту у неё было солоно, кисло и до изумления горько.

«Любят! — хотела крикнуть Лена, а вслух произнесла: — Горько...»

«Неужели наша прогрессивная нация отошла ко сну?»

Марк Твен

об «американском образе жизни»

В арсенале нечистых средств, состоящих на вооружении организаторов новой мировой войны — денежных тузов Уолл-стрит, — видное место занимает пропаганда пресловутого «американского образа жизни». Однако, как ни надвываются коммюнисты американского империализма, их усилия имеют мало успеха, ибо горькая правда об образе жизни в Соединенных Штатах Америки.

Честные люди во всех странах, в том числе и лучшие представители американского народа, не раз рассказывали, что в действительности скрывается за «железным занавесом» денационализма в Америке и в американизированных странах.

Замечательным разоблачающим документом являются высказывания о нравах и порядках «американского образа жизни» крупнейшего американского писателя-юмориста Марка Твена.

Марк Твен не был революционером, многие из его убеждений вынуждены, но Твен искренне и горячо ненавидел продажных политиков, наглых захватчиков, беззастенчивых спекулянтов, ханжесствующих империалистов — истинных владельцев Соединенных Штатов Америки.

Написанные 50-70 лет назад, когда Америка только выходила на большую дорогу империалистического грабежа и угнетения народов, эти высказывания представляют большой интерес и теперь, особенно если учесть, как далеко современные американские империалисты привели свои «подвиги» воина 19-го века.

Низше опубликованы выдержки из книг «Письма Марка Твена» и «Знаменитые книги Марка Твена».

По поводу американской «демократии» Марк Твен писал:

«Только благодаря милости господней мы имеем в нашей стране эти три невыразимо драгоценные вещи: свободу слова, свободу совести и благозвучие никогда не пользоваться ни тем, ни другим».

Злой издатель под бульварной американской прессой с ех сепанциями и смакованием всяческих

зверств звучит письмо, адресованное издателю газеты «Дэйли график» 17 апреля 1878 года:

«...Сегодня я почувствовал в воздухе признаки наступающей скуки и сказал себе: «Как я рад тому, что уже заказал билеты на пароход!» В утренних газетах абсолюто не было ничего достойного внимания. Посудите сами, что это были за заголовки телеграмм:

ПО ТЕЛЕГРАФУ	
Отец убит Собственным Сыном	Кровавая Стычка в Конгукки
Восьмилетний Убийца	Город в Состоянии всеобщего Бунта
Завоев Суды Положено, и Находившиеся в Нем Негры Стреляны яри Поимке к Бергству	Резня в Луизане
От Двух до Трех Сотен Людей Пожарены Живьем!	Жестокая Перестрелка в Индиане

(и ещё тридцать подобных заголовков).

Все сообщения под этими заголовками несут вчерашнюю дату — 16 апреля (обратиться к вашей собственной газете), — и я даю вам своё честное слово, что вот эта вереница банальностей была всем, что можно в колодах телеграфных сообщений назвать новостями. «Хорошо, сказал я себе, это становится довольно скучным, это становится изрядно унылым. Не видно, чтобы где-нибудь что-нибудь происходило. Неужели наша прогрессивная нация отошла ко сну?»

Твен был яростным противником империализма. Кровавые расправы американцев и англичан в Китае и на Филиппинах в начале нашего века вызвали резкий протест писателя.

В письме из Лондона 12 августа 1900 года Твен отвечает на интервью в Китае:

«Я всё погодишь теперь Китаем, и все мои симпатии принадлежат Китаю. С ними можно обошлись коровянившие воры Европы, и я надеюсь, что они выставят вой и навсегда всех иностранцев...»

«Я надеюсь, что они выставят вой всех иностранцев...»

По поводу миссионеров американского империализма:

«Достойно внимания то, что миссионеры всегда придерживаются одной лишь заповеди — «Иди в мир», и пренебрегают золотым правилом, которое оставило бы его

от вторжения в Китай и некоторые другие страны, где его не желают и где его не приветствуют».

По поводу кровавой расправы американцев с филиппинским народом писатель горько иронизирует

«Миссионер всегда придерживается одной лишь заповеди — «Иди в мир»...»

рует (письмо от 29 января 1901 года):

«Вы предполагаете, что я воображаю себе одержимым чувством Большого Патриотизма, и удручен тем, что наш президент увяз по самые уши в филиппинском деле, и что я в огорчении от того, что наша великая, многочисленная и невежественная нация, которая не знает даже основных фактов филиппинского эпизода, опозорена перед всем саркастическим наблюдением миром, — оставьте эту мысль! Мне нет дела до других. Я лишь подавлен и задет потому, что я осквернен всем этим. И это всё...»

Об американской «цивилизации»:

«Я считаю нашу цивилизацию обетшавшей и жалкой, полной жестокости, тщеславия, презрения к человеку и лицемерия. Но я ненавижу даже звучание этого слова, потому что оно выражает ложь. А что касается самой цивилизации, то я бы желал, чтобы она провалилась ко всем чертям, где ей и место».

Перевел с английского Дм. Чертокос.

ПЕДРО И ЕГО СОУЧАСТНИКИ

Бразильская полиция в Сан-Пауло долго охотилась за Педро, но он постоянно ускользал за её руки: никак не удавалось собрать досточастные веские доказательства его вины.

Но однажды двое полицейских застали Педро на месте преступления. Они надели на него наручники и привели в полицейское управление, захватив с собой и вещественные доказательства.

Детурный полицейский офицер радостно встретил своих подчинённых:

— Наконец-то вы его схватили! Я его немедленно допрошу.

Педро понимал, что отпираться бессмысленно — глядя, понабрав в руки агентов полиции, ясно говорил против него.

Когда Педро подписал протокол

допроса и его отвели в тюремную камеру, полицейский офицер позвал судебного следователя:

— Господин советник, мы арестовали вменяемого преступника... — Он ссорится?

— Да. Протокол уже он подписан. Нам даже не пришлось применять общепринятые «аргументы».

— Умеете работать! — позвал офицера судебный следователь. — Попробуйте выстучать из арестованного сведения о соучастниках. Я прошу лишь после того, как вам будут известны имена всех остальных, помогавших ему в преступлении. Как вы считаете, когда мне прийти?

О боже! — ответил полицейский офицер, с трудом подавив злость отчаяния. — Вам придется прийти лет через сто, господин советник. Педро собрал подписи под Возмещением за мир, и у него миллионы соучастников.

(Из немецкой газеты «Фришер Винд»)

В один из летних дней 1946 года на водной станции у Каменного моста, в Москве, шла обычная тренировка. Спортсмены плавали хорошо, но засланный тренер был недоволен. Он замечал у каждого малейшие промахи и требовал точности, быстроты и экономности движений.

С затёнутым дыханием сел за ним худощавый черноволосый парнишка, неизвестно как пробравшийся на водную станцию. «Вот бы и мне у такого поучиться!» — с восхищением думал он.

Набравшись храбрости, он подошёл к тренеру:

— Виктор Иванович, возьмите меня в свою группу.

— А сколько тебе лет?

— Четырнадцать...

— Как зовут?

— Виктор, Соловьёв...

— Давно плаваешь?

— С детства ещё...

— С детства, — повторил тренер, сдерживая улыбку и оглядывая по-ребячески угловатую фигуру паренка.

— Возьмите. Очень хочется

стать настоящим пловцом.

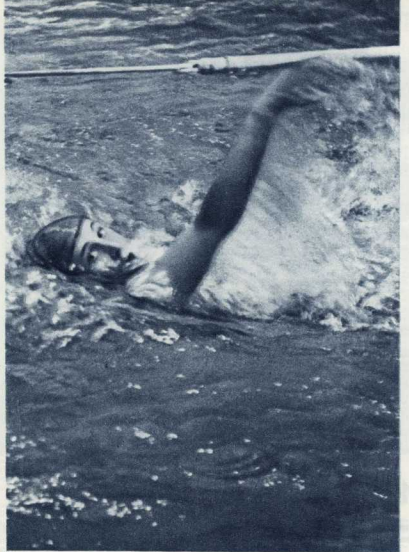
— А ну, покажи своё искусство!

Опытный глаз тренера сразу подметил у мальчика многообещающие задатки, и Виктор Иванович Гладина начал регулярно заниматься с Соловьёвым.

Не всё давалось легко начинающему спортсмену. Не так просто было привыкнуть к строгим требованиям учителя, а ещё труднее — выполнять их. Однако через год Виктор Соловьёв уже занял первое место на общемосковских соревнованиях по группе мальчиков. 100 метров он проплыл на спине за 1 минуту 17,6 секунды.

Много и настойчиво учился Виктор. День ото дня совершенствовал он своё мастерство в плавании на спине. Всесоюзные соревнования школьников в 1948 году принесли ему новую победу: стометровую дистанцию он выиграл уже со временем 1 минута 17,6 секунды.

Окончив семь классов средней школы, юноша поступил в школу тренеров при Центральном институте физической культуры имени Сталина. Здесь, кроме общеобразовательных предметов, Виктор изучал физиологию, анатомию,

С шумом рассекая воду, быстро продвигается вперёд Виктор Соловьёв.

Фото М. Боташёва

РЕКОРДНЫЙ ЗАПЛЫВ

теорию физического воспитания. Всё это помогло ему по-новому осмыслить технику плавания и ещё лучше овладеть ею.

Кропотливо разглядев молодому пловцу его ошибки новый тренер, Алексей Митрофанович Семкин, заблотно и внимательно воспитывал в нём настойчивость, требовательность к себе.

В 1949 году Виктор Соловьёв много раз выходил победителем в различных соревнованиях. Из месяца в месяц росла объёмистая папка с грамотами, отмечавшими спортивные достижения юноши. Много труда, много времени требовало всё это, но зато и сколько радости принесло!

Никогда не забыть Виктору

16 апреля 1950 года. В это весеннее утро он поднялся чуть свет. Всё шло ему не спалось. Ещё был Вель в этот день происходили соревнования на первенство СССР и он выступал наравне с известными спортсменами. Ему предстояло встретиться со своим первым учителем, заслуженным мастером спорта Гладгиным, и с чемпионом страны Николаем Крюковым, не знавшим соперников в плавании на спине на 100 метров.

Умывшись, Виктор выбежал на улицу и долго ходил по булыжнику, стараясь успокоиться. Бремя грядущих мучительных медленного волнения всё больше и больше охватывало Соловьёва. Задолго до начала соревнований он пришёл в бассейн. Здесь его встретил Алексей Митрофанович. Тренер ободрил молодого спортсмена:

— Не волнуйся. Вель же мастера когда-то выходили победителями в первый раз. Главное — верь в себя.

Наконец старт. Стреловидно бросился в воду пловец.

Привычно и быстро рассекает тело зеленую воду гладыш. Виктор не поднимает головы. Он не видит ничего вокруг. Одна мысль владеет им: победить!

Последний поворот. Рука Виктора первой касается финишной стенки бассейна. Судья фиксирует время. Семидеятитрёхлетий юноша в заплые на 100 метров опередил и чемпиона страны и оного бывшего учителя. Виктору Соловьёву было присвоено звание мастера спорта.

Каждый день тренируется Виктор в бассейне. Во многом помогает ему кинорограмм — ряды последовательных кинокадров, по которым легко проследить и свои ошибки и свои достижения.

В этом году москвич Соловьёв, представляющий спортивный коллектив Военно-Воздушных Сил, несколько раз улучшил всесоюзный рекорд, проплыв наконец 100 метров на спине за 1 минуту 7,4 секунды. В соревнованиях на первенство СССР по плаванию 1951 года он занял первое место, быстрее всех проплыв свою рекордную дистанцию. Ему вручили золотую медаль чемпиона Советского Союза.

В. КРАСИЛЬЩИКОВ

ХОРОШАЯ ТРАДИЦИЯ

Ещё стояла зима. Погода была безветренная, не очень морозная. Шли массовые соревнования московских лыжников. Тысячи юношей и девушек выскочили на старт, мчались к финишу, борясь за секунды. Были тут и опытные спортсмены, и новички, впервые пробавлявшие силы в гонках.

Шестьсот лыжников зашипили спортивными чехлами Московского техникума железнодорожного транспорта имени Андреява — почти все учащиеся, если не считать лыжников курсов.

Что же это за физкультурный коллектив, который может идти ли не в полном составе старт на лыжах да ещё принять участие в соревнованиях?

В этом коллективе нет известных чемпионов, которым аплодируют на трибунах чемпионов стадионов. Но есть у него хорошие физкультурные традиции.

Техникум имени Андреява — один из старейших школ средних командиров железнодорожного транспорта, и её многочисленные питомцы работают на многих дорогах Советского Союза.

— Идём примем на первый курс. Юноша, только что расстившийся с семиклассной, выкладывал: всё здесь ново, всё не так, как в школе. И вдруг секретарь комитета ВЛКСМ задаёт вопрос:

— А физкультурой занимаетесь, спорт любите?

Ну, конечно, любите. Он готов сиять минуту рассказывать о своих последних успехах на беговой дорожке или у вольнойбальной секции, это создаёт у новичка благоприятное настроение.

Когда возникает разговор о физкультуре и спорте, лицо секретаря комитета комсомола Михаила Глебова преобразается, светлеет. В небольшой комнате комитета ВЛКСМ рядом с другими важными вопросами решаются и все физкультурные дела коллектива. Комсомол всегда принимает их близко к сердцу, да и может ли быть иначе, если почти все молодёжь техникума занимается спортом!

Торжественно спортивную физическую культуру проявил себя и начальник техникума, опытный педагог и руководитель, Михаил Сергеевич Соломоновский.

— Это наш лучший помощник и советник во всех физкультурных делах, — говорит о нём комсомолец.

Новички обычно свой спортивный путь начинают в секции общефизической подготовки. В ней около четырёхсот учащихся. Эта секция пользуется у молодёжи большой популярностью. Тут можно приобрести первоначальные навыки по наиболее распространённым видам спорта. Секция является

наш бы дополнением к обязательным урокам по общей физической подготовке, предусмотренной учебным планом. Ни один из физкультурников техникума не пройдёт мимо этой самой массовой секции.

Отсюда никому не замечана дорога к золоту на десяти различных спортивных техниках. Тридцать два человека, например, соревнуются в беге, прыжках и метаниях, двадцать шесть из них уже были легкоатлетами третьего разряда.

В технике закончили соревнования между отборочными. В программах входили: гимнастическая зарядка, бег на различные дистанции, прыжки, плавание на длину. Победителем признавался коллектив, набравший наибольшее число очков.

Эти соревнования вызвали огромный интерес. На старт вышли все учащиеся первого, второго и третьего курсов. Большинство из них — участники ГТО. Первое место занял строительное отделение.

Растёт и крепнет физкультурный коллектив Техникума имени Андреява. По несколько десятков учащихся занимается в легкоатлетической, гимнастической, футбольной, вольнойбальной секциях.

Мих. МАКАРОВ

Фотоочерк
В. Андреев и Н. Ларина

ОНИ ЛЮБЯТ СПОРТ

В Кузьминском районе Москвы широко известны спортсмены электромеханической службы метрополитена. Они славятся своими победами на футбольных полях, беговых дорожках, волейбольных площадках.

Старший инженер технического отдела управления службы Валентин Давыдов руководит волейбольной секцией коллектива. Он создал большой и деятельный актив энтузиастов волейбола, на каждом участке службы организовал команды новичков, следит за их тренировкой, за ростом их спортивной техники. По инициативе Давыдова комсомольцы службы построили спортивный городок. Для этого им пришлось вывезти более трёхсот машин строительного мусора, выровнять и утрамбовать землю. Они соорудили волейбольные, городские площадки, теннисный корт.

Валентин Давыдов (на снимке он гасит мяч) — тренер и капитан первой волейбольной команды. В её составе старшие инженеры Анатолий Папанков, Виктор Волков, электромеханик Виктор Сизов.

Футболист Пётр Удалов (слева) закончил семинар инструкторов общественников и тренирует футбольную команду коллектива.

Удалов имеет первый спортивный разряд. Помимо футбола, он занимается лёгкой атлетикой, лыжами, плаванием. Собрание физ-

культурников службы единогласно избрало слушателя курсов электромехаников Петра Удалова председателем низового совета.

Вместе с Удаловым в футбольной команде играет Виталий Макенчев (на снимке справа). Комитет комсомола поручил Макенчеву вести физкультурную работу среди комсомольцев службы.

Молодые рабочие, электромонтеры А. Ражков, В. Трофимов, И. Володакин и В. Макенчев, играют в футбольной команде. Они и работают в одной бригаде, выполняя нормы на двести процен-

Техник ремонтно-резиновое цеха В. Блиндер, счетовод управления службы В. Бочарова, чертежница дистанции защиты и автоматик Т. Воробьева, машинистка Т. Королева (на снимке слева направо) — активные спортсменки. Спорт развил в них чувство коллективизма, спаял их в одну дружную, бодрую семью. Спорт помогает им хорошо работать, разумно отдыхать.

Вот почему в 16 спортивных секциях физкультурного коллектива службы занимается спортом 641 человек. Из них 205 имеют значки «ГТО» первой степени и 48 — второй степени. Почти 100 физкультурников получили разрядные нормы.

тов. Эти дружные ребята — лучшие производственники и лучшие спортсмены физкультурного коллектива.

Интересы молодых работников электромеханической службы метро не ограничиваются спортом.

Мастёры Макенчев и Володакин посещают вечернее отделение техникума железнодорожного транспорта. Помимо того Макенчев учится петь у профессора Московской государственной консерватории В. А. Богодурова.

Секция лёгкой атлетики — одна из самых популярных в коллективе физкультуры. Бегом, прыжками, метанием занимается более 60 молодых спортсменов. Легкоатлеты электромеханической службы прочно занимают первое место среди всех других служб метрополитена. Ученица бывшей чемпионки Курочкиной Евгения Рогачёва (на первом плане) в нынешнем сезоне заняла первое место в беге на 500 метров. Сейчас Рогачёва тренирует начинающую физкультурницу Нину Сергееву.

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

Это ли не образец чувства локтя, товарищества, умения добиваться поставленной цели, находящий выход из, казалось бы, безнадёжного положения? Так поступают наши, советские спортсмены.

.....

Михаил ПЛОТНИКОВ,
преподаватель Тульского

торного техникума.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОДНЫМ КРАЯМ

род эпохи царицы Тамары. В следующих главах — «Столица армянского народа», «Восхождение на Арагац», «Озеро Севан» и др.

конец... Наша жизнь обгоняет мечту и делает её действительностью, потому что наша действительность — это дорога в коммунизм.

**В ЧИСЛЕ
СИЛЬНЕЙШИХ**

Товарищеская встреча между гимнастами СССР и Швеции, состоявшаяся в Москве, закончилась победой советских спортсменов. В составе команды упала и девятнадцатилетняя Галина Шамрай. Начала заниматься в средней школе. Больное всего она Галия бед устали могла выполнять упражнения на других снарядах. Первое выступление Шамрай, шестнадцатилетней, состоялось в 1957 году на чемпионате СССР. Она была в составе сборной команды СССР на чемпионате Европы в Мадриде. В 1958 году она была в составе сборной команды СССР на чемпионате мира в Мадриде. В 1959 году она была в составе сборной команды СССР на чемпионате мира в Мадриде. В 1960 году она была в составе сборной команды СССР на чемпионате мира в Мадриде.

Шамрай — мастер спорта, студентка Ташкентского института. В недавно проведенных в Харькове соревнованиях Советского Союза по гимнастике участвовали сильнейшие спортсменки. Шамрай была на шестом месте.

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

«Человек — это звучит гордо!»

Выражение из письма М. Горького «На дне», слова Станислава: «Человек это величайшее! Это звучит гордо! Это слово! Надо уважать человека». По поводу этого выражения, ставшего крылатым, сам Горький в 1934 году в статье «Литературные забавы» писал следующее: «Человек — венец природы и «звучит гордо»... это — неоспоримо, но такое неоспоримо, что он бывает перемешиваем, убитой волейцей пролетариата, продажей родным, изумительным лицемером, врагом рабочего класса, шпионом капитализма... в таковых его качествах он подпадает беспощадному уничтожению».

«Слово «человек» звучит гордо в нашей стране. Великий Сталин сказал, что человек — это самое ценное на земле творение, иначе знает мир» (Н. А. Островский).

Штурмовать небо

Эти слова в значении: вести самоотверженную героическую революционную борьбу — впервые употребил К. Маркс. В письме к члену I Интернационала Людвигу Кнутльмау от 12 апреля 1871 года он писал: «Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание — если оно не будет подавлено волнами, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания 1848 года. Пусть же парижане, готовые штурмовать

небо, хопонят германо-прусский империализм».

Выражение это неоднократно употребляли в своих выступлениях В. И. Ленин и И. В. Сталин.

«Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен штурмовать небо» (В. И. Ленин. Соч. т. 12, стр. 91).

«Велики мы, большевики, которые критикуют весь мир, которые, говоря словами Маркса, «штурмуют небо», если мы ради спонсорства тех или иных товарищей отказываемся от самокритичности... то разве не является началом, началом великого дела, не монет на этого получить?» (И. В. Сталин. Соч. т. 10, стр. 329—330).

Рог изобилия

Выражение это, являющееся символом богатства, изобилия, вошло в греческие мифы. Ноа Амафрей, наполнив своим молоком младенца Зевса, однажды, зацепившись за веревку, сползала себе рог. Его взяла нимфа, обернула лентой, наполнила плодами и поднесла Зевсу. Зевс подарил рог воспитавшим его нимфам и обещал им, что всё, что бы они ни пожелали, получит из этого рога. Так передаёт миф римский поэт Овидий в поэме «Фасты». Он же в «Метаморфозах» рассказывает, что Ахелой, речное божество, обрившись в бью, сражался с Геркулесом; тот отпил у него рог, который нимфы наполнили цветами и сделал из «рога изобилия».

«Музыка гремит на хорах, вся чллада гаулах, и роскошь опрыскивала на стол полный рог изобилия» (И. Н. Баянов «Прогулка по Москве»).

«Спорилось нам всё, кивались на нас люди, тоши на Амафрей рога» (Н. С. Лесков «Знаменитый англичан»).

Дамоклов меч

Древнегреческая легенда, приведенная в сочинении известного писателя Цицерона «Тускуланские беседы», передает, что Дамокл, один из преемников сиракузского тирана Дионисия, стал завистливо говорить о нём, как о счастливейшем из людей. Дионисий, чтобы проучить завистливого льстивца, что уступил ему своё счастье, и передал в его полую распоряжение свой дворец. Дамокл устоял в блаженстве до тех пор, пока однажды не увидел, что его волосистой виски на затылочном волосе острый меч. Дионисий объяснил, что этот меч — символ тех опасностей, которым он, как властитель, постоянно подвергается, несмотря на кажущуюся счастливую жизнь. Отсюда выражение «дамковский меч» получило значение: балласт, постоянно угрожающая опасность.

«Солдаты вошли с бараньим бодом в Париж... их наступление республику находилась под Дамокловым мечом: Кабинет отрезал широкую и мекану завязанную временным правительством, сделал своё дело» (А. Н. Герцен «Письма в Париж»).

СЛОВА В номере:

Академик А. Н. Несомин — Письмо к молодежи.
Нина Фейгина — Я буду учительницей.
Александр С. Субботин — Горюс, своей профессией.

Горюс будет.
Лариса Фёдоровна — Юноша из Тихви-Тана.

Г. Новогородский — Новый день.
Ольга Кожухова — Лесные споры.

Виктор Афанасьев — Я верю. А. Делетин — Студенческие. Тамара Никитина — На волнах просторах.

А. Одиноков — Один год и одно утро.
Ван Сью-бо — Без коммунистов нет Китая!

Дэн Чжи-ин — Праздник освобождения Маньчжурии.
И. Ермаков — Аватары китайского народа.

Салам Кадыраев — Вестник мира.
Алексей Кафанов — Наследники.

Михаил Геденко — Измал. Счастливого плавания! Фото-очерк.

Виталий Губарев — Весенняя ночь.
Г. Носовичев — Илья Ефимович Репин.

Евгений Афанасьев — С оленьими стадами.
В. Николаев — На праздники молодости и дружбы.

Я. Сегель — Соседи.
Мари Тана об «американском обрете жизни».

В. Крайничков — Революция зашла.
Мих. Макаров — Хорошая традиция.

На первой странице обложке: Наркоманы. Фото А. Моклодова.

На четвертой странице о лондонском Пилт Миде Платан, изданный в Болгарской Народной Республике.

Оформление номера В. Урн.

На первой странице обложке: Наркоманы. Фото А. Моклодова.

На четвертой странице о лондонском Пилт Миде Платан, изданный в Болгарской Народной Республике.

Оформление номера В. Урн.

На первой странице обложке: Наркоманы. Фото А. Моклодова.

На четвертой странице о лондонском Пилт Миде Платан, изданный в Болгарской Народной Республике.

Оформление номера В. Урн.

На первой странице обложке: Наркоманы. Фото А. Моклодова.

На четвертой странице о лондонском Пилт Миде Платан, изданный в Болгарской Народной Республике.

Оформление номера В. Урн.

На первой странице обложке: Наркоманы. Фото А. Моклодова.

На четвертой странице о лондонском Пилт Миде Платан, изданный в Болгарской Народной Республике.

Оформление номера В. Урн.

На первой странице обложке: Наркоманы. Фото А. Моклодова.

На четвертой странице о лондонском Пилт Миде Платан, изданный в Болгарской Народной Республике.

Оформление номера В. Урн.

КРОССВОРД

Составил И. Андреев

По вертикали:

1. Тригонометрическая функция.
2. Волшебная птица.
3. Газет издательство.
4. Нидерландское издание.
5. Возможная планета.
6. Город в Восточной ССР.
10. Город в Калининградской области.
12. День недели.
14. Музыкальный термин.
17. Мускусный мид.
18. Краткое изложение содержания статьи.
19. Сборник и установление машин.
20. Отдел грамматики.
22. Русская художница.
23. Птица.
24. Афоризм.
26. Наступ для пола.
30. Небольшая низина.
34. Регулятор хода в часах.
35. Советский боксер.
38. Советская погрешность.
40. Город во Франции.
42. Хищное животное.
44. Углубление в земле.

По горизонтали:

7. Серный колчедан.
8. Советский композитор.
9. Предель стремлений, желаний.
10. Дворянская сумка.
11. Революция южного организма на внешнее раздражение.
13. Столица европейского государства.
15. Поступление верховного органа.
16. Повесть Войнич.
21. Драгоценный металл.
24. Русский комсомолец.
25. Повесть.
26. Социальное явление в Европе.
27. Прибор для определения стран света.
31. Невысокая страна, ограда.
32. Отрицательное вещество.
33. Город на Украине.
36. Спортивная игра.
37. Знак претнашения.
39. Равновесное чередование.
41. Сельскохозяйственная машина.
43. Заплата.
45. Советский громоглаголющий.
46. Военный корабль.
47. Музыкально-сигнальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 10

- По горизонтали:
1. Космодемьянская.
 2. Ворон.
 3. Монета.
 4. Огонь.
 7. Титаник.
 8. Соло.
 9. Родина.
 10. Пензенский.
 11. Романс.
 12. Сталина.
 13. Относ.
 14. Армавир.

32. Оселение.
33. Волотинков.
35. Дворная.
36. Спорт.
37. Опахало.
38. Нахик.
40. Прирост.
43. Соната.
45. Ибра.
46. Продолжение.
47. Комм.
50. Фадеев.
51. Набул.
52. Иवानов.
53. Кораблевозведение.

По вертикали:

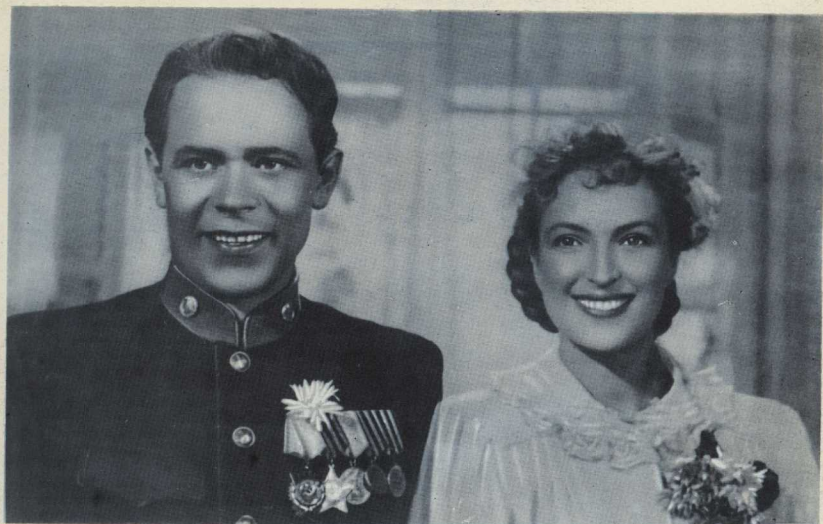
2. Орбита.
3. Москва.
4. Дворец.
5. Марионетта.
6. Ясность.
7. Си-

8. Айин.
9. «Челюски».
10. Строфа.
14. Корреспонденция.
15. Социоренование.
19. Альтернатива.
20. Комментарий.
24. Тавелем.
25. Плавкор.
27. Аллегор.
28. Олива.
29. Спорт.
31. Вымыс.
34. Добролюбов.
39. Наран.
41. Рада.
43. Волжский.
44. Аюсов.
48. Дефо.
49. Саян.

Редакция: В. Аксёв, Г. Гуля, Е. Домашневский, Н. Мукон, А. Космодемьянская, Г. Кулик, М. Луконин, Н. Смородина.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правда», 24. Тел. Д-334-24. А04345. Подписано к печати 20/VI 1951 г. Заказ № 1442. Тираж 120 000. Изд. № 313.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правда», 24.

Кадр из кинофильма «Донецкие шахтёры».

Подвижно

1. См. 20

Сол. Ничка за дм. нон не в. дать, а се. го. дин в. нашн. крае б.е. год.е.т. Как са. дм. в. Донбассе

Шахты расцве. ли, дм. дн. счастье д.е. ст. а. н. т. из-под зем.и. Как са. дм. в. Донбассе шахты расцве.

Шахты расцве. ли, дм. дн. счастье д.е. ст. а. н. т. из-под зем.и. Как са. дм. в. Донбассе шахты расцве.

Для повторения

Для окончания

ли, дм. дн. счастье д.е. ст. а. н. т. из-под зем.и. в. Мир от. любви з. тот край!

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Из кинофильма «Донецкие шахтёры»

Слова Евг. ДОЛМАТОВСКОГО
Музыка Т. ХРЕННИКОВА

Было солнышка за дымом не видать,
А сегодня в нашем крае благодать.
Как сады, в Донбассе шахты расцвели,
Люди счастье достают из-под земли.

Мир открыт для вас, надежда и мечты,
Чи не счастье друзей-товарищей родных.
Вам в приданое даются навсегда
Наши степи, и сады, и города.

Помнит люди, что в судьбине горняка
В давнем прошлом и любовь была
горня.
Нынче свадьба, сердце реится из груди,
Молодые, ваше счастье впереди!

Сколько угля в глубине хранит Донбасс,
Столько будет в жизни радости у вас.
Если не был ты в Донбассе, приезжай,
Вместе с нами ты полюбишь этот край.

ЗА ПАКТ НА МИРА!